

ДЭЛИЯ МОР

ШАМАН

16+

Дэлия Мор Шаман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44469836

SelfPub; 2019

Аннотация

Я родилась с серебряной ложкой во рту, как принято говорить в народе. Единственная дочь основателя строительной империи, карьеристка и трудоголик. Я отчаянно сражалась с желанием отца участвовать в моей судьбе, но когда почти получилось, вертолёт, пролетая над сибирской тайгой, рухнул на землю где-то под Якутском. Шаман Изга спас внезапно свалившуюся ему на голову девушку, но клянусь, лучше бы он оставил всё как есть. Тогда бы я никогда не узнала, что творилось в моей жизни и за спиной моего отца на самом деле. Обложка создана Ольгой Волковой с использованием изображений с сайта shutterstock.

Содержание

Глава 1. Падение вертолёта	4
Глава 2. Метка	22
Глава 3. Незваные гости	37
Глава 4. Сандара	53
Глава 5. Танец с бубном	68
Глава 6. Чёрный шаман	82
Глава 7. Разговор с отцом	99
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Глава 1. Падение вертолѐта

Смерть мне всегда казалась чем-то грандиозным, возвышенным и бесконечно далѐким. В двадцать восемь лет, даже многого достигнув, все равно свято веришь, что целая жизнь впереди. Я родилась с серебряной ложкой во рту, как принято говорить в народе. Единственная дочь основателя строительной империи, карьеристка и трудоголик. Я отчаянно сражалась с желанием отца участвовать в моей судьбе. Но когда почти получилось, вертолѐт, пролетая над сибирской тайгой, рухнул на землю где-то под Якутском. Смерть показала мгновенной. Я выпала из кабины прямо в темноту.

Клянусь, никогда не было так больно. Не приготовившись терпеть, не контролируя себя, я выгнулась дугой и заорала. Глаза открыла, но что толку? Вокруг была всё та же темнота и широкая тень с силуэтом человека прошептала:

– Тише, сейчас будет легче.

Я больше догадалась, чем увидела, что он воткнул шприц в катетер на моей руке и надавил на поршень. Боль не отступала. Даже мощные лекарства не действовали настолько быстро. От слабости я не могла пошевелить даже пальцем. Помню, как голова завалилась на бок и я снова отключилась.

Во сне стучали барабаны голосом и тембром похожие на африканские. Я насчитала больше десятка от самых малень-

ких и визгливых до огромного монстра с густой и низкой вибрацией.

Бом, бом, бом.

Он докучал особенно сильно. Будто его поставили мне на темечко и с упорством долбили по мембране бейсбольной битой.

Бом, бом, бом.

Я не хотела просыпаться, меня заставили. Один из ударов пришелся по голове, и я открыла глаза. Из квадратного окна прожектором бил солнечный свет, но все углы маленькой комнаты оставались в тени. С декором и закосом под старину хозяева явно переборщили. Гигантские необработанные брёвна, тряпки, висящие на гвоздях, какие-то деревянные кадки, пучки трав. Избушка Бабы Яги и её ростовая кукла на табурете возле меня. Просто чучело в перьях и косматой медвежьей шкуре.

– Эй! – я пыталась позвать на помощь, но поперхнулась и громко закашлялась, а чучело пошевелилось. Проклятье, как в комнате страха или фильме ужасов! Дебильный прикол, всегда его ненавидела. Нарядить актера в костюм и чтобы он вот так эффектно ожил. Я снова закричала:

– А-а-а!

– Стой, – застонало чудище, – тише.

Комом из перьев была птичья маска. Я по форме клюва не разбиралась, чья именно, но похожа на орла. Взгляд мужчины уж точно ей соответствовал. Цепкий, внимательный.

Быстро актер проснулся, но я не понимала, зачем вообще сидел возле меня. Это шутка? Розыгрыш? Если я выжила после крушения вертолѐта, то почему лежала здесь, а не в больнице?

– Меня зовут Изга, – представился мужчина. – А тебя как?

Спрашивал, а сам раздевался. Медвежью шкуру отнес в угол на стул, туда же положил тѐмную куртку. Я думала, в гигантском костюме окажется хлюпик, как принято у актѐров, но разворот плеч и мускулы под льняной рубахой впечатляли. Причѐм это была именно рубаха с вышивкой, разрезом на плече и крошечной пуговицей у воротника-стойки. Настоящий древнерусский колорит.

Ага, катетер у меня в вене, обезболивающие препараты и совершенно непонятное «Изга» вместо имени.

– Ты по паспорту Изга? – хмуро спросила я. От слабости речь звучала, как у пьяной. А, может, я и была пьяной. Накачал меня этот псих в птичьей маске наркотой и теперь начнѐт издеваться, пользуясь беспомощным положением пленницы.

– Да, – подумав, ответил мужчина, – пожалуй, и по паспорту тоже.

– Это как?

Бред. Я слышала, что люди извращаются, меняя нормальные имена на всякую дичь, но в паспортном столе тоже не дураки сидят. А фамилия, а отчество?

– Я – Извольский Георгий Александрович, – ещё раз представился актер. – По паспорту. Если взять первые буквы, то

получится «Изга».

– Ясно теперь.

Обычный фрик, которыми забит интернет. Они и в среде своей общаются по никнеймам, прожигают жизнь в тусовках и настолько далеки от реальности, что их становится жалко.

– Ты ролевик, что ли? Реконструктор?

– Я – шаман, – коротко ответил мужчина.

О, господи, что за чушь? Я схватилась бы за голову, если могла. Ряженный актер действительно оказался ряженным во всех смыслах. Фальшивкой. Шарлатаном. Ну, какой шаман в двадцать первом веке? Неужели ещё кто-то верил в подобную дурь? Первобытным племенам эти товарищи морочили голову, успешно выполняя функцию религиозного лидера при светском вожде, но сейчас-то какие фокусы устраивали? Дождь не вызвать, на урожайность посевов танцем с бубном не повлиять. Зубную боль заговаривали? Злых духов изгоняли?

Кстати о боли. Судя по лекарствам, толпе вызванных духов врачевание Изга не доверил. Во-первых, большое за это спасибо, а во-вторых, сам же и признал, что никакой он не шаман, а дешевый клоун вроде тех, кто приходит на «Битву экстрасенсов». Антураж прям оттуда. Даже маску не поленился сделать из чучела птицы. Эффектная, ничего не скажешь, я оценила.

– А где бубен?

– Здесь, – Изга невозмутимо показал пальцем на стул с

медвежьей шкурой и я, повернув голову, разглядела большой круг, неаккуратно обтянутый кожей и разрисованный в духе оголтелого примитивизма. Круги, полосы, треугольники. Всё размашистое, яркое, цветное и бессмысленное.

– Ты куришь? – не очень вежливо спросила я прямо в лоб.

Ну, не мог нормальный человек в здравом уме и твердой памяти наряжаться в перья и плясать с бубном. Он явно употреблял что-то наркотическое. Я читала заметки о шаманах в интернете. С духами они разговаривали, наевшись галлюциногенных грибов. Они помогали входить в транс. Торчал Изга на какой-нибудь дряни, как конченный наркоман. И я с ним одна чёрт знает где и в крайне ослабленном состоянии.

– Смотря что, – он хотел улыбнуться, но передумал. Только уголки губ вздрогнули. – Сигареты я бросил лет пять назад, а травку пробовал по молодости и больше к ней не прилагивался. А ты сама куришь? Если да, то извини, табака у меня нет, придется терпеть. И как тебя зовут ты так и не ответила.

– Ирина, – представилась я. – Значит, пьешь. Водку? Самогон?

– Спирт медицинский нюхаю иногда, – усмехнулся шаман. – Вчера, например, когда тебе уколы делал. Следующим по логике будет вопрос про наркотики. Тоже нет. Не нюхаю, не ширяюсь, не втираю в десны и не закладываю за губу. Так что можешь не бояться.

– А в транс ты какходишь? – не унималась я. – Или про-

сто так в бубен стучишь?

– А вот этого я тебе уже рассказать не могу.

Изга резко помрачнел, будто лампочку выключили. Неуютно стало, что аж передернуло. Весь положительный эффект от «можешь не бояться» улетучился. Опасной тайной повеяло, и я вспомнила, что уже сочла его психом, когда очнулась. Уходить нужно отсюда. Я жива, а насколько здорова, пусть квалифицированные медики разбираются, но никак не чучело с бубном.

– Я не поблагодарила тебя за спасение, извини, – пробормотала я. – В вертолёте летела, он упал. Ничего больше не помню вплоть до момента, когда очнулась здесь. Как ты меня нашел?

Изга промолчал. Я видела, что порывался ответить, но плотно сжал губы. Что-то я глобально не то ляпнула, когда спросила про транс. Психов тяжело понять. В голове творится такое, что нормальный человек представить не может. Я ему про одно, а он выводы делает про десять совершенно несвязанных с вопросом вещей. Вплоть до того: «А где туалет?» – «Она хочет украсть мои трусы».

В туалет, кстати, хотелось. Я долго спала, и организм накопил лишнюю жидкость, от которой нужно избавиться. Но как теперь спрашивать? Как вообще с ним разговаривать? Я привыкла к мужчинам-функциям рядом с собой. Мужчина-охранник, мужчина-носильщик, водитель, стилист, продажник, да хоть директор филиала. Общалась с ними исклю-

чительно по необходимости и давно не приглядывалась, что там за костюмами, свитерами, стеклами очков и окнами дорогих машин. Они все носили маски и, как дом из кирпичиков, состояли из одинаковых наборов стереотипов. Простые, плоские, примитивные. Каждого можно расписать во всех деталях и разложить на составляющие. И вот теперь, словно в насмешку, моя жизнь зависела от ходячего ребуса в медвежьей шкуре с птичьей головой.

– Я должна встать, – заявила ему максимально твёрдо.

В конце концов, избушка маленькая, не заблужусь. Сама найду туалет, воду и свои вещи. И домой тоже доберусь сама. Вертолёт упал в сибирской тайге, а не на другой планете. Здесь есть дороги, города и сотовая связь. А деньги, как обычно, решали очень многое. Даже если Изга обокрал меня, оставив без наличности, хватит одного звонка, чтобы через несколько часов сюда приехали люди отца с разборками. Ни один фрик не заставит Ирину Риман дрожать от страха.

Живот прорезала боль, стоило пошевелиться. Я скрючилась, как гусеница, и кое-как ухватилась за край кровати.

– Подожди, – шагнул ко мне Изга, – ещё рано!

Да пошел он! Руки и ноги без переломов, открытых ран нет, а синяки и ссадины я переживу. Легко отделалась. Господи, что же тело так плохо слушалось? Амёбой стало. Я нервно отбросила одеяло в сторону и заметила на себе такую же льняную рубаху, как у шамана. Раздел, все-таки. Интересно, лапал похотливо, пока в отключке была, или поймел

совесть?

– Ирина! – позвал он строго и схватил за плечо. – Ложись! Тебе нельзя...

Поздно. Я спустила ноги с кровати и встала. Босые ступни обжег холод, хоть на полу и лежали вязанные дорожки. Мгновение меня тошнило, и голова привыкала к вертикальному положению, а потом стало хуже. Я вывалилась из реальности и застряла где-то между обмороком и явью. Белый свет из окна залил комнату туманом. Вязким, противным. Он свернулся, как прокисшее молоко, и опал к ногам, а меня затрясло.

– Что это?! – простонала я. – Что со мной?

Дрожь напала сразу на всё тело и долбила судорогами. Пол ушел из-под ног, я клюнула носом обратно в кровать и зависла в воздухе. Ничего не чувствовала, плохо видела и слышала Изгу, будто из другой комнаты.

– Ложись, я тебе сказал.

– Что происходит?!

Вместо крика – шепот. Я всё так же барахталась в воздухе, а кровать двигалась на меня. Подушка ударила по лицу, одеяло обняло прохладой. Дрожь ослабла, и я почувствовала, наконец, что тело теперь мокрое от пота. В тяжелой льняной сорочке – особая пытка. Ткань не хотела впитывать воду, я лежала в луже.

– Это слабость, – тихо сказал шаман. – Она пройдет.

Во рту вмиг стало сухо, двигаться расхотелось. Я шумно

дышала, пока не успокоилась. Страшно было, чёрт.

– Со мной никогда... так.

– Лежи, – повторил Изга, накрывая одеялом. – Серьёзных травм нет, но ты долго была без сознания. Нужно поесть. Я сделаю горячий чай и сварю кашу.

– Меня тошнит.

– Само собой. Но от завтрака станет легче.

Широкая тень шамана качнулась в сторону, и надо мной снова стало светло. А ещё холодно почему-то. Туман в комнате казался разлитой по столу манкой. Я ненавидела её в детстве. Люто. Сейчас придет отец и начнёт орать на няню, что она не накормила ребёнка.

– Не надо, – прошептала я. – Не хочу.

Изга взял меня за руку. Не как друг, чтобы предложить помощь, а как врач. Обхватил пальцами запястье и считал пульс. Очень мягкое и нежное получилось прикосновение. Или у меня от слабости крыша поехала? «Хирург, – стучалась догадка в сознание. – Такие руки бывают только у хирургов». Или музыкантов. Художников.

– Ирина, – заговорил он, – тебе нужно отдохнуть. Я буду здесь недалеко. В избе нет кухни, я пойду в дом. Каша варится очень быстро, соскучиться по мне не успеешь. Не вставай больше, пожалуйста. Силы обязательно вернутся, нужно немного подождать.

– Почему так светло? – спросила я. – Всё белое за окном.

– Это снег.

Хорошо, что снег. Правильно. В Москве слякоть и грязь-ца, а ведь давно октябрь. Снег делал мир чистым. Я сказала «хорошо» и уснула.

Где-то там, в пустоте, опять не давал покоя банковский кредит. Мне упорно казалось, что Заваров специально резину тянет. Я даже видела его, наматывающим чёрную пряжу на руки. Как смолу. Сейчас она застынет, и Заваров не сможет освободиться. Пешка. Точно пешка. Кто-то другой всем управлял. Я даже узнала кто, но, проснувшись, забыла.

В комнате стало жарче. Пахло, как в сауне. Нет, как в бане, которую топили дровами. Специфический аромат, ни с чем не спутаешь. Под толстым одеялом я совсем промокла. По груди катались капли воды и волосы прилипли к шее.

– Чай остыл, – сказал Изга. Я, сощурившись, пыталась его разглядеть.

Шаман пододвинул к кровати табурет и переставил ближе ко мне пузатую кружку. Рядом в пиале лежала какая-то каша. Я не умела различать их по внешнему виду. Овсянка, кажется. Холодная и противная, как клейстер.

– Не хочу есть, – упрямо повторила я. – Тошнит.

Не вовремя он собрался поиграть в заботливого папочку. Я не доверяла ему и раздражалась, что не хочет слышать чётко сформулированные желания. Между капризами ребёнка и позицией взрослого есть принципиальная разница. Ребёнка заставляют, потому что он не знает, как для него лучше. Я же в состоянии отвечать за свое здоровье и рацион питания.

Овсянка? Серьёзно?

– Последний раз ты ела три дня назад, – нахмурился шаман, – слабость, в том числе, от голода. Учти, я могу накормить тебя внутривенно или через зонд...

– Ты врач? – перебила я. – Хирург?

Я плохо представляла медиков вне стен клиник, а хирургов за пределами операционной. Они ничем не отличались от остальных людей. Разве что выдавал цепкий взгляд, способность поставить диагноз, не сходя с места, и специфический юмор. Он ведь пошутил на счет зонда? Так кормили анорексичек и психически больных в состоянии кататонического ступора. Я даже представлять не хотела, что Изга привяжет меня и начнёт пихать в нос тонкую трубку, чтобы она дошла до желудка. Господи, какая гадость!

– У меня есть медицинское образование, – уклончиво ответил Изга, – и кое-какие навыки. Их хватит, чтобы не дать тебе умереть по глупости. Выбирай: или ты ешь сама, или я принимаю меры.

К концу фразы его тон стал жестким. Пугал. Точно пугал. Когда врачи всерьёз собираются что-то делать, они наоборот стараются успокоить пациента. Хорошие врачи, конечно, что из себя представлял хирург с бубном, я не знала.

– Ты не посмеешь, – упрямо заявила я, но получилось, почему-то жалобно и плаксиво.

Я ненавидела мужчин, когда они начинали давить силой или авторитетом. Во мне просыпалась маленькая испуган-

ная девочка, которую папа каждый день наказывал. И в ушах звенел его голос: «Ирина, ты сделаешь так, как я скажу».

– Нет! – повторила я и почувствовала, что дрожь возвращается. Ноги дергало и живот подвело. Тошнота стала нестерпимой. Я старалась дышать мелкими глотками, но отрыжка всё равно полезла наружу. Два коротких неприятных звука и я зажала рот рукой.

– Зараза, – прошептал шаман и сунул руку под кровать.

Пока я корчилась, он выдвинул кожаный саквояж. Ещё большую древность, наверное, чем изба. С таким ходил доктор Айболит на иллюстрациях художников начала двадцатого века. Древность была покрыта пылью, пахла старостью, но из неё Изга достал одноразовый шприц в упаковке, пару перчаток и ампулу.

– Потерпи, – приказал мне, надел перчатки и начал деловито готовить инъекцию.

– Что это? – тошнота не проходила, но мне удавалось держаться.

– Церукал. Противорвотное средство. Дай руку, пожалуйста.

Шаман взял меня за предплечье и открыл крышку катетера. Лекарство вводил медленно и оно действительно помогло. Отрыжка прекратилась. Зато сразу же захотелось задавать вопросы:

– Если ты шаман, то почему не танцуешь с бубном, изгоняя злого духа боли?

– В тебе нет злых духов, – совершенно серьёзно ответил Изга. – Только дрянной характер и плохое воспитание.

– И, тем не менее, – настаивала я, – шаманы ведь лечат людей?

Изга убрал использованный шприц в карман брюк, снял перчатки и посмотрел на меня исподлобья. Я никак не могла сложить его образ в голове. Калейдоскоп из суеверий, актерских замашек и настоящей проницательности. Он словно издевался над здравым смыслом, держа в одном помещении маску из перьев и современные препараты в старом саквояже. Они настолько исключали друг друга, что я чувствовала себя душой.

– Да, лечат, – наконец, заговорил шаман, – и я тоже умею. Но, во-первых, силы мои не бесконечны, а, во-вторых, не всё можно решить разговором с духами. Препараты иногда выручают.

– Тогда почему ты не отвёз меня в больницу? – перешла я к главному вопросу.

– Снегоход сломался, а на волокуше я тебя до ближайшего ФАПа просто бы не донёс. Мы в тайге, Ирина. Здесь нет километровых пробок, как в столице, но передвигаться из точки А в точку Б не намного легче.

– Можно вызвать МЧС с вертолётom. Найти другой снегоход, в конце концов. Я признательна тебе за помощь, но мне нужно домой.

– На ноги сначала встань, – отрезал шаман. – Сейчас это

важнее.

– Да что ты за человек? – не выдержала я. – Ты меня похитил? Выкуп хочешь? Почему я заперта здесь?

Он тоже умел дергаться. Я видела по тому, как сжались кулаки и вздулись мышцы под тонкой рубашкой. Изга схватился за край кровати и заглянул мне в глаза:

– Потому что на тебе метка смерти, и я никак не могу её убрать! Только здесь в этой избе она бледнее, чем где либо. Вызовешь вертолёт – и он снова не долетит до места. Кому ты мешаешь, Ирина? Кто решил тебя убрать?

Я судорожно втянула воздух, что ещё оставался между нами. От гладко выбритых щёк Изги пахло одеколоном. Древесно-шипровый аромат, насколько я могла различить. Калейдоскоп встряхнулся, картинка сломалась и теперь я точно ничего не понимала.

Просто вертолёт, рядовая поездка. На вертолёте, потому что быстрее. Рейсы Магадан-Москва расписаны на несколько месяцев вперёд. Я заранее побеспокоилась о билете, но самолет сломался. Чёртову летающую посудину не допустили до рейса. Нет, я обрадовалась, честно. Разбиться в мои планы не входило. Но когда выяснила, что домой теперь никак не добраться, пришла в ярость. Не летайте в Магадан! Богом забытое место! Частный самолет? Нет, не слышали. Поезд? О чём вы? Автомобиль – долго и рискованно. По морю только до Владивостока и тоже долго. Мне предложили вертолёт до Якутска. Я выдохнула и согласилась. Якутск – та

ещё дыра, но она ближе к Москве.

– Я случайно попала на тот вертолёт, – облизнув сухие губы, призналась я. – Случайно, понимаешь? Мой рейс отменили, остальные варианты не устраивали. Да отодвинься, пожалуйста, мне дышать сложно. Не было заказного убийства. Не организывают его так. Меня проще возле офиса в машине взорвать. Проще, быстрее и дешевле. Я верю в то, что чудом спаслась от смерти. В метку не верю, но понимаю, откуда она могла появиться в твоём воспаленном воображении. Ты устал, пока ухаживал за мной. Я бы тоже с ума сошла, оказавшись с тяжелораненым человеком на руках в таких условиях. У тебя стресс, Изга, густо замешанный на чувстве вины и тревоги. Да, я могла умереть, но сейчас всё хорошо.

Он смотрел на меня так, будто впервые видел. Да, после всех нападков, вопросов про наркоту и психическое состояние, такое участие с моей стороны выглядело ложью или хитрым трюком. Но мне проще поверить в гиперопеку человека, назвавшегося шаманом, чем в то, что меня хотели убить. Мне уже нужно было поверить хоть в что-нибудь.

– Тебе плохо? – тихо спросил Изга. – Снова тошнит? Где болит? Покажи.

Он с беспардонностью врача в палате откинул с меня одеяло и мокрая сорочка, прилипшая к телу, мгновенно остыла. Ощущение такое, будто меня голую положили в снег.

– Гадство, – простонала я и застучала зубами. – Нет, не

трогай!

За одеяло мы боролись недолго, Изга победил. Задрал на мне ещё и сорочку, и я окончательно превратилась в желе от крупной дрожи, переходящей в мелкие судороги. Холодно же! Он шаман или садист? Зачем меня трогать? Ай, и давить пальцами в живот! Полный мочевого пузырь, успокоившийся, пока я спала, снова взрезало острой болью.

– Я сейчас лужу на кровати сделаю! Отпусти. Убери руки!

– Да, я уже понял.

– Где здесь туалет? Я пойду.

– Ты на ногах не стоишь. Упадешь по дороге, новую травму получишь. Лежи, я принесу ведро. Судна нет, извини, придётся на ведро садиться. Я помогу тебе.

Я задохнулась от возмущения. Не думала, что такое книжное описание чувств случается в реальной жизни, но грудь сдавило всерьёз. Я представила, как задираю сорочку на глазах постороннего мужика, оголяю тощий зад и плюхаюсь на ведро. Как горячая струя мочи бьет в днище с очень громким и характерным звуком. Барабанной дробью на всю избу. А запах какой будет в этом крошечном помещении? Уличный сортир отдыхает. Мне же здесь ещё спать!

– Нет! – выдохнула я, схватив шамана за предплечье. – Я в туалет пойду. Никакого ведра.

– Ира, ты упадешь, – упрямо повторил он. – Там холодно. Минус двадцать. Ты одеваться будешь полчаса с твоей слабостью и точно обмочишься. Этого хочешь?

Меня передернуло так, что пришлось сжать ноги. Я с трудом подавила позыв, но остановить слова уже не могла.

– Запомни, клоун, я тебя подушкой ночью задушу, если ты посмеешь унижить меня поганым ведром. Отойди, я встану!

– Да вставай! – рявкнул он и качнулся назад.

Палка перегнулась и сломалась. Мужчина смотрел на меня зверем. Без шкуры и пернатой маски казался воплощением разгневанного лесного духа. Плевать. Я всю жизнь молча терпела, пока люди бесились, брызгали слюной и крыли меня матом. Так запал пролетал мимо, не трогая и не задерживаясь в памяти, а я была в ответ.

Встать во второй раз получилось лучше. Церукал качественно убирал тошноту, а злость придавала сил. Адреналин, наверное, выделился, я не знала всех механизмов, происходящих в организме, меня заботил только один. Естественный и плохо поддающийся контролю позыв исторгнуть из тела лишнюю жидкость. Потерплю. На гинекологическом УЗИ после литра выпитой воды тяжелее. Значит, дойду.

Где моя одежда? Чёрт! Джинсы – ещё ладно, но норковое манто я шаману не прощу. Выкинул, что ли? Меня затрясло уже не от холода, а от избытка адреналина. Бешеные бабки отдала за меховую накидку. Впервые сердце кровью обливалось, и жаба давила. Как чувствовала, что про... гуляю. Так и вышло. Я добралась до вешалки с одеждой и уткнулась лицом в пропахший соляжкой тулуп. Мне бы спросить у шамана из вежливости, можно ли взять его вещи, но господин

Извольский высверливал мне спину взглядом. Доставал своей ненавистью до самых печёнок. Желание расшаркиваться с ним пропало напрочь. Матом пошлёт далеко-далеко, а я гордая и голая на мороз не хочу.

Слабость обкладывала тело ватой, ноги дрожали. Я с трудом сняла тяжёлый тулуп с гвоздя и завернулась в душевую овчину. Потом не пахло, просто сыростью, но всё равно затошнило. Упав плечом на стену, я снова вспомнила норковое манто, рухнувший вертолёт и до меня вдруг дошло, в каком виде я могла достаться шаману после аварии. Через ту драную норку, как в мультфильме Простоквашино, в пору было вермишель отбрасывать. Если Изга её выкинул, то и фиг с ней. Сумку жалко. Там документы, банковские карты, телефон, в конце концов. Висит моя Furla где-нибудь на макушке сосны и от ветра качается. Совсем, как я.

Дверь близко, но я не дотянулась. Как старое дерево, завалилась вперед и рухнула на пол.

– Дура! – глухо бахнул над головой крик шамана. – Идиотка!

Из темноты меня снова вытащили его руки, а по ногам пронёсся сквозняк из открытой двери.

Глава 2. Метка

Наградили духи соседкой! Специально выбирали, чтобы была, как можно дальше по мозгам и взглядам на жизнь? Чётко на другом полюсе. Не захочешь, взвоешь от злости и раздражения. Это испытание, да. Очередное заковыристое и обязательное к исполнению задание.

Изга обул Ирину, нахлобучил на её голову шапку и поднял девушку на руки. На улицу вынес, стараясь не ударить ногами об косяк. Про себя забыл и стукнулся лбом о низкую притолоку. Звонко получилось, больно.

– А-а-ай.

Ни одного мата, хотя вспомнились многие. Мороз радостно укусил за уши, снег захрустел под обрезанными валенками. Логично было бы донести Ирину до тёплого дома со всеми благами цивилизации, но как же воспитательный эффект? Барышня пожелала обморозить зад в уличном туалете. Зачем ей мешать? Заодно почувствует, что такое минус двадцать и хотя бы на пару часов забудет о побеге.

– Поставь меня, я дойду, – слабо возмутилась она.

– Угу, – выдохнул шаман и слегка подбросил её, чтобы перехватить поудобнее. Сползала. Лёгкая девушка. Бараний вес, как говорили раньше. Но в бесформенном тулупе её просто неудобно держать. А забросить на плечо мысли не

возникло. Взвояет от боли. В таком шоке была, когда проснулась, что послеоперационного шва на животе не заметила. Не стоит сообщать о нём таким образом.

Ещё два шага и шаман носком валенка поддел дверь в сарай. Направо дровяник с угляркой, налево за перегородкой туалет. Внутри сколоченная из досок тумба, а на ней кусок пенопласта, вырезанный под размер дыры. Сильно гостя не обморозится. Да и падать там некуда.

– Осторожнее, – предупредил Изга, поставив Ирину на пол. Ветер не дул, но теплее от этого в сарае не стало. Температура та же, что «за бортом». – Не закрывайся.

– Да пошёл ты.

– Сама у меня пойдешь! – рывкнул он, дернув за ручку хлипкой двери. – На всё, что успела представить. Не закрывайся, я сказал! Я-то щеколду с мясом вырву, а ты...

– Ладно, – перебила она, повернувшись спиной и распахнув тулуп. – Не смотри хотя бы.

Изга дверь прикрыл и отвернулся. Давно так не дёргался. Не вспыхивал яростью по любому поводу. Хотелось думать, что духи откат брали негативными эмоциями, но, скорее всего, они не очень-то причём. Сам выходил из себя. Метка, как приклеенная, висела перед глазами. Даже сейчас, когда мельком взглянул на Ирину, заметил, что ярче стала. Из избы вышли. Что в ней такого? Место, лекарства? Или, может быть, амулеты? Какие именно помогали отодвигать смерть от девушки? В избе их сорок три. Бесконечное количество

вариантов. Какой-то один, два, три, все вместе? Ни за что не догадаться. Головой о стену сарая хотелось биться. Здоровенная метка. Как клеймо. Не видел раньше таких и не знал, что с ними делать. Узор странный. Вообще ни на что не похожий.

– Ты всё? – спросил Изга, когда шуршание бумаги и возня в туалете стихли. – Выходи, пойдем обратно.

Ирину колотило от холода. Она морщилась и скрипела зубами. Уже не сопротивлялась, когда крепко обнял и подхватил, как пушинку.

– Одеколон у тебя резкий, – пробормотала девушка, уткнувшись в щеку замерзшим носом. – Пахнет отвратительно.

– Чем именно?

– Не знаю. Гадостью.

Изга нервно рассмеялся и пошел обратно, загребая валенками снег. Можно, конечно, по одному выносить амулеты из избы и смотреть, как меняется метка. Поэкспериментировать. Вероятность положительного результата рассчитать, и за сколько действий он будет достигнут. Зачем? Мозги размять, отвлечься. Красотой полученной формулы полюбоваться. Это ничего не даст, но хотя бы нервы успокоит.

Ирина хотела отмахнуться от него словами о стрессе, но нечаянно попала в цель. Он действительно за двое суток какой только вины за собой не чувствовал. И за то, что не сразу бросился искать упавший вертолёт, и за то, что потащил

домой, а не в деревню. Сам операцию сделал, селезёнку удалил. Всю первую ночь держал Ирину за руку, а потом за бубен взялся.

Эрлик давно грозился двери у него перед носом закрыть. Столько душ шаман не дал забрать в царство теней. В неоплатном долгу Изга перед его хозяином. Эрлик лично обещал встретить на том берегу, когда шаману придет время умирать. Нельзя просить за тех, кому метку поставили. Свою жизнь можно за чужую отдать. Изга не знал, почему так вцепился в Ирину. Ни разумом, ни чувствами не мог объяснить. Испытание послали духи и, как обычно, подсказок не оставили. Что от него хотела Вселенная? Что он должен сделать? Как разрубить завязавшийся узел? Нет вопросов сложнее, но на них придётся отвечать.

– Ты должна поесть, – твердо сказал Изга, переступив порог избы. – Кашу сейчас на печке подогрею и чай тебе сделаю.

– Хорошо, – дробно стуча зубами, согласилась она. Переодеть бы ещё и постель поменять. Жарко в избе. Больше не нужно топить.

Туалет, конечно, феноменальный. От горячего дыхания на стенах выросла ледяная шуба. Белая, пушистая. Я поскребла её ногтем и посмотрела, как снежинки падают на

держатель для туалетной бумаги. Уборная Снежной королевы. Бюджетный вариант. Но куда сильнее меня отрезвил вид пластыря-повязки на животе и синяки вокруг него. Я не решилась трогать заклеенную рану, да и сделать свои дела तो-ропилась, но как только шаман принёс меня в избу, снова вспомнила.

– У меня дыра в животе?

Изга повесил тулуп на гвоздь, завернул меня в телогрейку и оставил сидеть на стуле. Закрыв глаза, я думала, как тяжело удержать круглую голову на горизонтальной поверхности стены. Всё равно, что поставить яйцо на стол. Не положить, а именно поставить хотя бы на тупой конец. Невозможно. Голова всё время пыталась куда-то укатиться.

– Изга, – тихо позвала я. – Не молчи, когда я с тобой разговариваю. Пожалуйста.

Плохо мне. Сейчас отключусь и не пойму, в реальности нахожусь или во сне.

– У тебя там шов, – отозвался шаман, застилая кровать свежей простынёй. – Ровный, хирургический. Тупая травма живота была, внутреннее кровотечение. Без срочной операции ты могла умереть. Я нашел причину кровотечения. Множественные разрывы селезёнки. Орган пришлось удалить.

Ещё двадцать минут назад я бы подняла крик и потребовала объяснений. Но посмотрев на избу снаружи, высоченные сосны, промерзший насквозь туалет, я вдруг осознала на всю глубину мысли, каким чудом осталась жива. Неверо-

ятным, необъяснимым чудом. Рассказывала недавно шаману о случайностях. Вероятности хотела приплести. Учила формулы в институте. А потом надолго зависла над вопросом: «Какова вероятность, что меня с такой травмой посреди тайги нашел единственный на сотни километров хирург?»

Я скатилась головой в угол и закрыла глаза. Голливуд щедро пичкал нас фильмами о спасениях в последнюю секунду. Мы привыкли к ним, считали чем-то обыденным. Должным. Обязательным. Мы жили, не думая о смерти. Зачем о ней думать, если она далеко? В глубокой старости, лет после ста. Или её вовсе нет. Как в песне Сплина: «Смерть – это то, что бывает с другими». Мы все такие ловкие и продуманные в бизнесе, отношениях, а со смертью вот так. Никак.

Вот и я ничего не поняла, когда открыла глаза. Мир тот же, законы те же, воздух, запахи, звуки, а я другая. Уже не совсем целая, не очень здоровая, но всё ещё живая. Не поняла, не оценила. Сказала ли хоть «спасибо»? Сказала. Машинально, на автомате, не прочувствовав до конца, что для меня сделали. Но главное, что Изга услышал. Шаман-хирург. Ну надо же.

– И что теперь? – спросила я, когда его тень загородила мне свет из окна.

– Я расскажу, а ты ляжешь и слушаешь.

Он так легко поднимал меня на руки, что появлялся ещё десяток не очень нужных и своевременных мыслей. Сильный мужчина, привык носить тяжести. Ни пыхтел, ни сто-

нал, ни чувствовал вообще никакого дискомфорта. Словно я – ваза, и меня нужно переставить с места на место. В офисе бутылку воды в кулере поменять не допросишься. Девятнадцать литров, девятнадцать килограмм и все мужчины сразу резко больные и немощные. А во мне две с половиной таких бутылки. И ни слова я от Изги не услышала. Почему он заботился обо мне?

– Рубашка мокрая, – проворчал он, распахнув на мне телогрейку. – Снимай, сухую нужно надеть.

А я голая под рубашкой. Грудь такая, что не стыдно показывать, да и видел он меня всю, раз оперировал, но стыд никуда не делся. Жаль, сил не осталось на полноценное «я сама», поэтому я вцепилась в ворот сорочки и выщедила сквозь зубы:

– В мокрой полежу. На мне высохнет.

– Не проняло, что ли? – проворчал Изга. – Тебя ещё раз на мороз вынести? Значит, так. Рекомендация номер раз. Никаких переохлаждений. Удаленная селезёнка была частью лимфатической системы. Иммуитет у тебя резко снижен, болеть сейчас нельзя. Раздевайся, Ирина.

– Ты смотреть будешь, – пробормотала я, усмехаясь, – а у меня соски от холода затвердели. Не выдержишь еще такой эротичной картины, набросишься.

Идиотская речь, максимально дебильная. Все медики раздражались до крика, когда их подозревали во влечении к пациентам противоположного пола. Дурость. Фантазии недо-

траханного организма, не бывает так. Мы для них – не люди. Неодушевленные предметы, вроде кувшина в натюрморте для художника. Они нас лечат, а не разглядывают. Но у меня от нервов крыша ехала. Я улыбалась, не выпуская из кулака ворот сорочки. Гомерического хохота на всю избу не вышло только потому, что живот болел. Кашель и смех мне тоже противопоказаны.

Изга промолчал. Я уже мысленно готовилась, что просто плюнет на меня и уйдёт. Мужчины так делают. Машут рукой: «Да и чёрт с тобой», а потом исчезают. Перестают бороться. Надоедает им. Я иногда пользовалась этим по работе и сейчас заметила, что съехала на любимые рельсы. Нет, зря. Нельзя так. Вот зачем я его довожу? Что со мной происходит? Только что всё осознала, прокрутила в голове, и снова бесы дёргали за язык.

– Извини...

– Это лён, – не стал слушать Изга. – Плотный материал, много воды впитал. Он не высохнет на твоём теле. Ты себя-то согреть не сможешь. Худая, слабая. Я понимаю, что ты стесняешься. Первый раз меня видишь, не знаешь, где находишься, что происходит. Подозреваешь меня чёрте в чём. Нет, я не маньяк и не псих, я действительно пытаюсь помочь. Мало объясняю, потому что не время ещё. Тебе после травмы и операции постельный режим нужен и полный покой. Давай договоримся. Всё, что касается твоего здоровья и бытовых моментов – моя забота. Окрепнешь, встанешь на ноги

– будем думать, что дальше делать. Я сейчас даже снегоход не могу починить, потому что тебя боюсь одну оставить. Помоги мне, Ирина, пожалуйста. Довольно упрямы.

– Хорошо, – тихо ответила я и потянула сорочку вверх.

Сама раздеться не смогла, мокрая ткань застряла на плечах. Пока возилась с ней, так устала, что было уже поровну, в каком виде предстала перед шаманом. Он расправил на мне сухую сорочку и ушел к печке за тарелкой с кашей.

Ирина ела молча. Послушно и сосредоточенно вычерпывала кашу из тарелки и аккуратно снимала её с ложки губами, чтобы не испачкаться. Даже полулежа в кровати, прижимала локти к бокам и выглядела, как примерная папина дочка. Ошибся Изга, когда пенял ей на воспитание. Его-то как раз было через край. Оно проскальзывало в каждой мелочи и не давало больной Ирине наплевать на себя. Она стыдилась сходить в туалет, раздеться. Постоянно поправляла пряди волос, будто без расчески они могли лежать ровнее, и терла пальцами лицо. Вдруг грязь? Нельзя. Должна быть безупречной во всём. Как папа говорил.

Изга, разговаривая с духами, видел её отца, удушливым красным облаком нависшего над головой. Жёсткий мужчина, властный. У многих детей тесная связь с родителями, но редко вот такая. Строгий хозяин дворовой собаки или куп-

ленной в магазине куклы, а не отец.

– Чай, – напомнил шаман, подавая кружку и забирая тарелку. – Осторожно, горячий.

– Что за марка? Пахнет странно.

Изга улыбнулся в ответ. Правы были столпы восточной медицины, когда делили людей по конституции на ветер, желчь и слизь. «Воздушная девочка». Постоянно о запахах говорила. Лёгкая, тощая, нервная. Дефицит веса с рождения, аппетита нет. И папа всё время пытался накормить. Насильно. Кашей, чем же ещё? Вот и шарахалась Ирина от овсянки.

– Обычный чай, дешёвый. Я туда мяту добавил и замороженную бруснику.

– А сахар? Кислятина же. Или ты из тех, кто сахар в чай принципиально не кладёт, чтобы букет не испортить?

Очень строгий и злой папа. Вечно всем недовольный. Ирина не понимала, что копирует его. Это сложно осознать.

– Лучше мёд, чем сахар, но я не рискнул. Вдруг у тебя на него аллергия? Нам сейчас анафилактический шок совсем не в строчку.

– Я нормально ем мёд. Без проблем.

– Хорошо, – согласился шаман и забрал пустую кружку.

Сейчас Ирине станет тепло, нервное напряжение отпустит, и глаза закроются. Изга добавил мяту в чай ради этого, а бруснику вместо антибиотика. Лекарство тоже было, лежало в саквояже на всякий случай вместе с хирургическими инструментами. Но раз метка бледнела в избе, то здесь

лучше обходиться народными средствами. Слишком далеко современная фармакология ушла от природы, сбивала тонкие настройки организма и мешала шаманским амулетам работать. Операция – другое дело. Внутреннее кровотечение брусникой не остановить. Там без вариантов. Но поддержать вмиг ослабший иммунитет можно и без радикальных методов.

Жаль, не все деревенские понимали эти нюансы. У якутов лица вытягивались от удивления, когда шаман вместо трав выписывал сильнодействующие антибиотики или отправлял в город на лечение. «А как же духи?» Изга в тот момент представлял миллионы духов, сотни миров с их сложнейшими связями и мысленно хватался за голову. Жизнь потратит, не объяснит. Поэтому отвечал проще: «Они помогут. В дороге».

Наша жизнь в наших руках. Духам плевать. Смерть – естественный итог, зачем её отодвигать? Шаман Изга соглашался с ними. Хирург Извольский не мог. Его учили по-другому. Они часто спорили и редко договаривались друг с другом. В итоге получались неправильный шаман и неправильный хирург.

Ирина уснула. Хмурая складка на переносице ещё не разгладилась, боль не ушла, но щеки порозовели. Можно оставить хотя бы на полчаса. Пусть отдыхает. Изга забрал саквояж из-под кровати и пошёл в дом. Подумав, бубен решил туда-сюда не носить. Он быстро вернется, их связи это не

повредит. Забавно, но он уже представлял, как недовольно фыркнет Ирина, услышав, о чем беспокоится взрослый и признанный психически здоровым мужчина. «Если я отойду далеко от бубна, связь ослабеет, духи решат, что их бросили и обидятся». Ага, так и есть.

Сложно им будет вдвоём. Очень сложно.

По меркам города дом от избы стоял на соседней улице. Изга намеренно разделял два жилища. В одном разговаривал с духами, в другом спал, ел и пользовался благами цивилизации. Так, с одной стороны, правильно, а с другой удобно. Амулеты не выносили современную технику. Буквально разряжались рядом с включённым сотовым телефоном. Можно было жить настоящим затворником без связи с внешним миром, как и положено шаману, но Изга, промучившись год, отказался от сомнительного удовольствия полного единения с природой. Частичное оставил. Носил одежду из натуральных материалов, тщательно выбирал продукты, а всё искусственное, химическое аккуратно сложил в одном месте. Подалше от избы.

Свежо на улице, морозно. Солнце едва поднималось над горизонтом, но ветер уже не перетаскивал с сугроба на сугроб пригоршни снега. Успокоился буран. Всю позавчерашнюю работу загубил. Изга только тропинку прочистил и снова утопал по колено. В деревню рваться бессмысленно. Замело дорогу. Это неплохо, учитывая, что и к нему никто не придет. Даже если руководители столичной поисковой группы

спросят у местного участкового: «Не живёт ли кто-нибудь поблизости от места крушения вертолёта? Точно не живёт? – Живёт, но до него не добраться. На всех снегоходов не хватит. Горючка опять же, деньги».

Последнее особенно беспокоило. Тело Ирины на месте крушения не найдут. Её вещи тоже. Сумка с телефоном и документами лежала у шамана в шкафу под замком. У тех, кто до сих пор мечтал убить девушку, появятся вопросы. Они предложат за ответы так много денег, что кто-нибудь из деревенских дрогнет. Желание обеспечить семью или жажда разбогатеть перевесят уважение к шаману и негласное правило, что его, как святыню, трогать нельзя. Когда ждать гостей? Три дня прошло, тишина пока.

Дом шамана стоял на крепком фундаменте. Земля в Якутии, в отличие от столицы, промерзала почти на метр. Вода в дом заходила глубоко в подвале и оттуда же уходила в сливную яму. Обычный некалиброванный брус. Не до красоты. Несколько слоёв утеплителя, защита от ветра, влаги и вентилируемый фасад. Жил шаман, как буржуй. А всё ради того, чтобы не мерзнуть зимой и не тратить бешеные деньги на отопление. Дом успел остыть, кстати, нужно подбросить угля в котел.

Изга прошёл по холодным сенцам и разделся в тёплой прихожей. Из ванной комнаты на первом этаже доносился шум работающей стиральной машины. Свет в коридоре включился от сработавшего датчика движения. В деревен-

ских домах ещё и телевизор постоянно работал, но шаман его не любил. Пустое занятие. Новости можно с планшета почитать, а развлечения у него давно специфические. Из последних – теория вероятности.

– Прости, Ирина, – пробормотал шаман, доставая из шкафа её сумку. – Я не знаю, как снять метку, поэтому буду хвататься за любую мелочь.

Папа. Удушливое красное облако метку смерти старательно огибало, подчеркивая, что не имеет к ней отношения, но других настолько ярких фигур в окружении Ирины не было. Изга достал из внутреннего кармана паспорт и открыл страницу с фотографией.

Риман Ирина Карловна, тысяча девятьсот девяностого года рождения. Прописка московская, не замужем, детей нет. На фотографии молодая девушка с короткими светлыми волосами. Сейчас они длинные и окрашены в ярко-красный цвет. В обложке паспорта нашелся СНИЛС и полис ОМС. Примечательно, что там же лежала пластиковая карта медицинской страховки. Продуманная девушка. Обеспечила себя медпомощью на все случаи жизни, а в итоге она ей понадобилась посреди тайги, куда смог добраться только шаман на снегоходе. Вселенная – дама ироничная.

Банковских карт в кожаной визитнице Изга насчитал семь. Все действующие. Годовой абонемент в фитнес-клуб, скидки в магазины косметики, контакты адвокатов, банкиров, директоров строительных компаний. Никого с фамили-

ей Риман. Отдельно небольшая стопка с визитками самой Ирины. «Руководитель группы развития региональных направлений строительного холдинга «Альянс». Уже что-то. Шаман разблокировал экран планшета и забил название в строчку поисковика. Интернет еле-еле шевелился. Как он появился в такой глухомани – отдельная история. Официальный сайт «Альянса», наконец, открылся. Да, есть. Риман Карл Федорович. Генеральный директор. Отец Ирины.

Фото маленькое, толком не разглядеть, а через компьютер почувствовать энергетику невозможно. Шаман сам не знал, что ищет. Какую-нибудь мелочь. Духи, выдавая испытания, всегда оставляли подсказки. Если не в списке построенных объектов, то во вкладке «Партнеры». Ага! «ТФК-групп» и ставшая такой знакомой фамилия Конт. Разрозненные части мозаики аккуратно поворачивались, но складываться в понятную картину не спешили. Изга взял телефон и набрал смс:

«Сергей, добрый день. Занят? Тебе имя Карл Риман о чём-нибудь говорит?»

Нажал на кнопку «отправить» и сел ждать ответ.

Глава 3. Незваные гости

«Привет, – зажглось сообщение на экране. – Говорит. Позвоню?»

Шаман встал к окну, откуда с этой стороны дома лучше просматривалась вышка сотовой связи, и сам набрал номер. В столице глубокая ночь. Или младший Конт уехал с женой к её родителям в Новосибирск, или по какой-то причине не спит.

– Как жизнь отшельническая? – бодро заговорил Сергей в трубку. – Как дела?

– Лучше всех, – улыбнулся Изга, забывая, что собеседник его не видит. – Сам как? Дочь растёт?

– Растёт, куда она денется. Зубы у нас режутся. То ещё мероприятие с обязательной ночной побудкой. Карл Риман, значит? Тебя ведь живой Риман интересует? Не математик?

– Того Римана звали Бернхард, а моего Карл, – уточнил шаман. – Да, директор строительного холдинга «Альянс».

– Мне казалось, что Карл, – задумчиво пробормотал Сергей. – Нужно больше спать. Так вот. Особо я тебе о Римане не расскажу, с ним отец работает. Мы виделись пару раз на каких-то общих мероприятиях. Мужик, конечно, интересный. С прибабахами. Но в бизнесе давно и один из немногих, кто в состоянии освоить по-настоящему крупные площадки

с комплексной застройкой.

– А что за прибабахи? – перебил Изга. – Серьёзные?

– Ну, как тебе сказать? – Сергей развеселился. – Полы он коллекционирует из ценных пород дерева. Ну, пол. Ты по нему ногами ходишь. В центральном офисе верхние этажи с топ-менеджментом выложены крайне фильдеперсовым паркетом. Отец приезжал к нему по каким-то общим вопросам, так он заставил его разуться и ходить в носках.

Изга почесал бровь мизинцем и усмехнулся. Представлять не хотелось, какой военный порядок царил в доме Ирины. Но излишняя педантичность и чистоплотность – не преступление. Раздражает изрядно, да и всё.

– А с дочерью его ты знаком?

Может быть, отсюда тянулась ниточка? Сергей Конт полтора года назад женился на девушке-медиуме. Банкир, крупный бизнесмен и вдруг простая студентка с даром слышать голоса духов. Изга сплел для неё амулет и подсказал несколько важных мелочей.

– Знаком заочно, но скажу о ней ещё меньше, – ответил Конт и ниточка оборвалась. Жаль. – Риман на тебя вышел? Работу предлагает? Что-то с дочерью?

Затылок кольнуло знакомой болью. Духи нетерпеливо скреблись и изо всех сил старались обратить на себя внимание. Сейчас-сейчас, он уже сам понял.

– Сергей, если ты что-то знаешь, говори. Любой слух. Даже самый бредовый.

– Да нет никаких слухов, – Конт тоже что-то почувствовал и заговорил тише. – Я подумал, что раз ты спрашиваешь, значит, не просто так. У тебя вообще ничего просто так не бывает. Но я понял тебя. Узнаю. Поспрашиваю аккуратно и перезвоню. Изга, ты можешь не признаваться. Я вам с Натальей не мешаю и тайны ваши обхожу стороной. Здоровее головой буду. Но если у тебя что-нибудь случится. Не важно: мелочь, ерунда, «само рассосется», звони мне. Я все брошу и приеду. Намекни только наскольколюдно, конно и оружно. Армию не обещаю, но маленький отряд, вооруженный до зубов, организовать смогу.

Затылок ломило. Боль превратилась в шуруп и ввинчивалась в череп. Знаки всегда приходили так, чтобы их можно было расшифровать. Если шаман игнорировал мёртвую ворону, попавшуюся на пути, то следом встречал сбитую машиной собаку. Снова мимо сознания? Хорошо, будет лошадь. Наполовину обглоданный волками труп, неизвестно как появившийся в яме у выезда на трассу. Сейчас посыл казался однозначным.

– Спасибо, Сергей, – ответил шаман, морщась от боли. – Я позвоню. Отряда будет достаточно.

Боль прекратилась, темные круги перед глазами исчезли.

– Хорошо, – глухо сказал Конт. – Давай так договоримся. Не сможешь позвонить – пришли текстом хоть что-нибудь. Любую ересь, не относящуюся к делу. И я рвану к тебе.

Изга снова поблагодарил и попрощался. Вот и узнал по-

дробности. Навел справки. Жаль, нельзя на расстоянии посмотреть, не появилась ли на Сергее метка смерти? И на всех членах отряда. Себя шаман не видел.

В избе было тихо, как в реанимации. Я один раз лежала там после несложной диагностической процедуры под общей анестезией. Проснувшись, полчаса похлопала глазами и пошла в общую палату одеваться. «В полости матки нет никаких проблем. – То есть, вы не знаете, почему я бесплодна? – Видимых причин нет. В таких случаях мы советуем обратиться к психологу. Возможно, он найдет причину».

Я здорова, а детей нет. Тут не захочешь, станешь трудоголиком и чайлдфри, живущим только для себя. Работа, работа. Вожденная карьера, стимул состояться, как личность, а не заикливаться на борщах, детях и грязных носках, разбросанных по квартире. Отпуск два раза в год. Каждый раз новая страна. Солнце, пальмы, океан. Не жизнь, а мечта в аккаунте социальной сети с миллионом подписчиков. Для полного счастья не хватало маленькой собачки с богатой родословной. Или кошечки. Чтобы разбавлять фотографиями их умильных мордочек инстаграм с солнцем, пальмами, океаном. Но заводить для собаки отдельную няньку не хотелось. Я хронически забывала кормить даже единственную рыбку в аквариуме. Зачем мне дети?

Работа держала крепко. Изга сказал, я три дня у него. Значит, сейчас вторник. Вечер или день, никак не понять. Утреннее совещание в понедельник прошло без меня. Что решили по кредиту? Что сказал Заваров? Я выпала из рабочего ритма и чувствовала себя китом, нелепо сгорбившимся на песчаном берегу. Ежедневник остался в сумке. Там график, расписанный по часам. Встречи, совещания, важные этапы глобального плана. Тайм-менеджмент, лайф-менеджмент, советы, методики, челенджи, полезные привычки. Развлечения для тех, кто строит себя. С нуля или с отправной точки – не важно. Себя и только себя. Я нагородила целый город с воздушными замками, и куда всё делось?

Рухнуло вместе с вертолётom. Застряло в сибирской тайге. Прошло три дня, и обо мне никто не вспомнил. Всего лишь три дня, и я никому не нужна. Ирина Риман – мыльный пузырь, надутый из самомнения. Классический пшик.

Солнце закатилось за избу, протянув за собой длинные тени из окна. Бледное солнце, зимнее. Снега вокруг столько, сколько уже не бывало в столице. Тайга, глухомань. Та самая дыра, куда отец угрожал меня засунуть после каждой неудачи. Не пришлось стараться. Я сама сюда угодила. И уже не хотелось выбираться. Якутск – далеко, но не на другой планете. Если меня до сих пор не нашли, значит, не очень-то и хотели. Кто ждал меня дома? Рыбка в аквариуме? Исписанные ежедневники, не распакованные после отпуска чемоданы, пыль на шкафах. Зачем возвращаться? Чтобы залезть

обратно в колесо и бежать, бежать по кругу, оставаясь на месте? Снова верить в иллюзию нужности и незаменимости? Теперь я знала цену иллюзий. Величину отцовской любви. Ценность себя, как специалиста. Как человека. Зря шаман меня спас. Лучше бы оставил в вертолёте.

Деревянная дверь разбухла от сырости и цепляла полотном косяк. Изга каждый раз открывал и закрывал её с невообразимым хрустом, а я пугалась. Сейчас вздрогнула так, что живот заболел. Я ведь ещё и без селезёнки осталась. Побитая, больная, никому не нужная.

– Как самочувствие? – бодро спросил шаман. В руках он держал металлическую кастрюлю. – Сейчас обедать будем, я суп сварил.

– Из моей удаленной селезёнки? – мрачно пошутила я. – А что такое? Мясо же.

Было забавно наблюдать, как он меняется в лице после моих выпадов. Я продолжала срывать на нём злость, но теперь к ней добавилось разочарование. Не получилось придумать для себя идеальную жизнь, а что делать в реальной я не знала. Куда я пойду без денег и без документов? Шаману я крупно задолжала за жильё, лекарство и еду. Чем рассчитываться буду?

«Телом», – мелькнула логичная мысль, но я усмехнулась. Так себе товар. Не первой свежести. Уже порезанный и зашитый.

– Суп из телятины, – невозмутимо ответил шаман. – Бу-

льон из мяса на рёбрах, картофель, лук и немного моркови. Я приготовил то, что тебе можно после операции. Будешь есть?

– Буду, – ответила я и попыталась сесть в кровати.

Не получилось с первого раза. Изга поставил кастрюлю на печку и бросился помочь. После сна голова уже так сильно не кружилась, но стоило напрячь мышцы живота, как я зажмурилась от боли.

– Чёрт! А уколи меня ещё раз. Ну, чем ты там колол, пока я в бреду была?

– А ты помнишь? – удивился Изга.

– Нет, – я решила не врать и не набивать себе цену. Приятно быть стойкой духом, но сегодня я устала. – Не помню. Урывками всё, будто приснилось. Катетер мешает. Если не будешь колоть, то убери его.

– Давай оставим пока, – пробормотал шаман. – Вдруг пригодится. Я унёс саквояж, сейчас принесу обратно. Подождешь?

– Ладно, не надо, – сморщилась я, замечая, как острая боль проходит и остается тупая ноющая. – Потерплю. Нет, серьёзно, не бегай никуда. Станет хуже – попрошу. Давай есть.

Вот, что я делаю? Зачем геройствую? Единственный зритель и перед тем захотелось выглядеть лучше, чем я есть? Не пора ли завязывать? Поздно уже. Шаман разливал суп по тарелкам, а у меня язык не повернулся погнать за уколом. Нет,

ну, не дура ли? И как назло именно сейчас заболело сильнее. А всё теперь. Надо терпеть.

– Держи, – Изга поставил мне на колени деревянную разделочную доску, а на неё тарелку. В бледном бульоне плавали аккуратно нарезанные овощи. Не борщ, но тоже недостижимая для меня кулинарная высота. Я не готовила и не собиралась учиться. Завтракала фруктами, обедала и ужинала в ресторане, литрами пила кофе и обожала выпечку из пекарни возле офиса. В моём расписании просто не было места для стояния у плиты. Зачем это нужно? Поддержать стереотип, что правильная женщина должна уметь готовить? Хорошо, значит, я – не правильная. Всем спасибо, все довольны?

Суп был хуже овсянки. От той я хотя бы не ждала слишком много. А здесь соли не хватало, и специй шаман не положил вообще. Зато сам уплетал с аппетитом. Я проследила, как поддел ложкой кусок мяса, и меня переклинило.

– Ты ешь мясо?

Любой, кто хоть раз читал книги по духовным практикам, знает, что мясоедам не видать просветления, как своим ушей. Энергетика не та, организм зашлакован, каналы связи с Вселенной перекрыты. Он же шаман! Он должен трепетно относиться к таким вещам! Какое ещё мясо?

– Ем, – пожал плечами Изга. – А что тебя удивляет?

Ничего, если он – шарлатан.

– А твои клиенты знают? Те, кому ты голову дуришь? Или им плевать, что мясо энергетику портит?

– Её ругань портит. Не то, как мы с тобой препираемся иногда, а матерная речь. Искусственно созданные материалы не портят, а уменьшают. Близость к местам силы, наоборот, увеличивает. Внутренний уровень того, кто к силе обращается, тоже имеет значение. Не всем духи отвечают. Я могу назвать ещё десяток нюансов и обстоятельств, тебе интересно? Думаю, что нет. Еда – важная часть меня, но не единственная и не основополагающая. И клиентами я тех, кто ко мне ходит, предпочитаю не называть.

– Конечно, – скептически покривилась я, почуяв знакомые нотки. – Они просто люди, нуждающиеся в помощи, а благодарность ты от них принимаешь исключительно едой. Не смей меня. Ты хоть и в тайге живешь, но без денег обойтись не в состоянии. У тебя пособие есть от государства? Пенсия по инвалидности? На что ты живешь?

Шаман закрылся наглухо. Если до этого невозмутимо пропускал мои колкости мимо ушей, то теперь я его всерьёз задела. Да, тема больная, понимаю. Кушать хочется всегда, а жадные людишки с деньгами расстаются неохотно. Вот и приходится скакать с чучелом птицы на голове, долбить в бубен и вешать лапшу на уши. Интересно, когда он прайс показывает? До своих плясок или после? Сколько там пунктов? Есть что-нибудь вроде: «Комплексное изгнание злых духов. Зубная боль, головная и бонусом – защита от геморроя. В честь праздника восьмое марта скидка женщинам восемь процентов?»

Изга поставил пустую тарелку на печку и хотел мне что-то сказать, но в избе запищал дверной звонок. Опа! К нам гости? Настроение шамана изменилось в третий раз за пять минут. Он на мгновение прикрыл глаза, выдохнул и резко встал.

– Ирина, ложись! Накройся с головой! Быстро!

– И не подумаю. Это за мной.

– Нет! – рявкнул он так, что у меня уши заложило. Ничего себе. – Лежи тихо. Не звука! Это мои гости.

Я не собиралась подчиняться. Прежняя жизнь поманила обратно, словно не было аварии и трех дней в бреду. Обо мне не забыли!

– Ты бредишь? Меня ищут. Это люди отца...

– Вот именно, – припечатал шаман, в два шага оказавшись возле меня. – Тебя ищут и хотят убить. Мечтаешь облегчить им задачу? Накройся одеялом с головой и ни шагу из кровати!

Со злости я перевернула разделочную доску, и она полетела на пол вместе с тарелкой. Остатки супа расплескались веером брызг. Как он меня раздражал! «Молчи, женщина! К ноге, женщина! Лежать, сидеть, стоять!» Он с человеком разговаривал, а не животное дрессировал. Что за паранойя на счёт убийства? Клялся, что ничего наркотического не принимает, а сам бредил наяву.

– Я пойду с тобой, – прошипела я. – Ты не в курсе, а я знаю, кто мог приехать. Мордовороты Шульгина. Начальни-

ка службы безопасности моего отца. Они тупые, злые и предпочитают бить, а не разговаривать. Увидят тебя – решат, что ты меня в плену держишь. Тебе почки опустят, пока будешь рассказывать, что я в избе и со мной всё в порядке. Не такой благодарности я хотела для человека, спасшего мне жизнь. Лучше пусть мордовороты увидят меня издалека.

– Нет, – упёрся рогами Изга. – Ты останешься здесь.

Ох, как же с ним тяжело! Не шаман, а баран. Ладно, я предупреждала. Хочет получить по морде? Пусть идет.

– Иди, – сказала я и легла обратно на подушку.

Ирина отвернулась и обиделась. Изга чувствовал, как упрямство сжималось в ней тугой пружиной. Сделает назло. Обязательно оденется и побежит следом, едва за шаманом закроется дверь. Он ещё не понимал её до конца, но мгновенные порывы уже мог разгадать. Капризный ребенок, не желающий слышать слово «нет». Богатая, избалованная, дерзкая. Чувство собственного превосходства застилало глаза, искажая картину мира. У таких людей он напоминал высоченную гору, где им и только им принадлежала вершина. Ирина всерьёз считала, что ей всё позволено, а остальные должны подстраиваться под её ожидания. И других вариантов просто нет. Царь горы скорее умрет, чем уступит свои позиции. Жаль, что таких «царей» было слишком много. Да-

же в тайгу от них сбежать не удалось. Изга устал. Снял тулуп с гвоздя, оделся и вышел.

За порогом было пусто. Гостям не полагалось беспокоить шамана во время камлания. Деревенские не ходили в избу ни под каким предлогом. Они звонили в дом и долго стояли на пороге. Ждали. Трель звонка, благодаря дополнительному проводу, раздавалась одновременно в двух жилищах. Считалось, что если шаман не разговаривает с духами, то он услышит звон и придёт. А если прямо сейчас происходит ритуал или Изга совершает обряд, то звонить всё равно бесполезно. Сквозь транс шаман не различал других звуков, кроме голоса бубна и горлового пения. «Пушкой не разбудишь», как говорили в народе. Но деревенские упрямо стояли под дверью. Час, два, три, сколько придётся. Дорога дальняя и долгая. Лучше подождать, чем ехать ещё раз.

Но это деревенские, а незваные гости должны были уже двери с петель снимать и дом обыскивать. Изга смотрел на единственную дорожку шагов и прислушивался. Тихо. Очень тихо. Проклятье.

Оружия у него нет. Даже охотничьего карабина. Продал, когда с деньгами было туго. С голыми руками в атаку идти? Вышел из избы весь такой герой «Я сам разберусь!» и что? Да хоть десять тысяч вариантов перебери, что делать, не угадаешь. Нужно дойти до дома и посмотреть. Так тихо, как звучал мир вокруг.

Жаль, снег хрустел под валенками, но шаман быстро вы-

шел на лысую, выметенную ветром тропинку. Она тянулась в узкой горловине между сараем и сугробами у забора. Изга поднялся на пригорок и увидел угол дома. Может, и не стоило прятаться. От кого ему прятаться, если он собирался утверждать, что Ирины здесь нет? Хотя, если пришли убивать, и исполнители достаточно отморожены, то начнут стрелять, не задавая вопросов. Затылок не болел, духи не вмешивались. Изга взял лопату у сарая и пошел дальше.

Снова снег. Пушистый и скрипучий. Сколько не пытайся представить себя бабочкой, а легче по нему ступать не получалось. От крыльца дома качнулась тень и помахала рукой. Облегчение выступило потом, в тулупе стало жарко.

– Изга! – радостно закричала Сандара. – Это я!

Откладывалась казнь Ирины и расстрел ненужных свидетелей. Шаман прислонил лопату к стене дома и достал из карманов рукавицы. Долгим будет приветствие, успеет замерзнуть. Но лучше слушать восторженный женский щебет, чем выстрелы в морозной тайге. С этим даже духи не спорили.

– Что же так замело? – сокрушалась маленькая якутка в шубе и расшитых тесьмой унтах. – Сугробы по колено. Вы не подумайте, я не навязываюсь лишний раз. Просто так пришла. Честно-честно. Пятый день жду в магазине, а вас всё нет. Продукты, что обещала, скоро испортятся. Вот я и привезла их сама. Масло, творог, саламат, строганину. Вам в прошлый раз понравилось, я и приготовила побольше.

– Духов задобрить? – с улыбкой спросил Изга.

– Вас накормить, – звонко рассмеялась якутка. – Духи пусть как-нибудь сами.

Впервые в дом шамана Сандара пришла год назад в той же шубейке и расшитых тесьмой унтах, что носила сейчас. Семь лет жила с мужем, а детей не было. «Бог не дал, грешила ты», – твердили православные родственники и отправляли в церковь молиться. «Не совместимы вы, – говорили другие. – Нужно развестись и начать искать другую пару. В новых семьях и у тебя, и у мужа будут дети, а вместе никак. Чего вы ждёте? Разводитесь, пока молодые и здоровье есть». А Сандара разводиться не хотела. Она любила мужа и не понимала, зачем ей искать другого. «Сходи тогда к шаману», – подсказала бабушка и Сандара пошла.

Духов задабривать начала с порога. Пихала Изге в руки замороженное мясо, сыр, творог, кровяную колбасу. Она и сейчас приволокла на санках груженую доверху сумку, но тогда от отчаяния сбивалась с мыслей и забывала в середине фразы, о чем хотела сказать:

«Зародыши детей висят, как листья на священной березе. Я читала, что шаманы умеют сдувать их на землю. Они падают маленькими звездочками прямо в домашний очаг, а из него попадают в женщину. У меня нет очага, только печка. Хорошая, импортная, муж из Якутска привез. Варит она здорово, а греет слабо. Зато мороки нет с готовкой. Суп за час приготовить можно. Вкусный. Надо было привезти вам.

А вы попробуйте масло. Я, как бабушка, делаю. Она меня к вам и отправила. Детей со священной березы сдуть. Я всё жду, жду, а они не приходят. Шаман нужен. Без шамана никак».

Мужа стоило к репродуктологу отправить, а не его совершенно здоровую жену по всем врачам, лекарям и знахарям гонять, чтобы найти в ней корень бед. Изга подозревал, что якут с русским именем Олег страдал бесплодием, но для мужчины однократная сдача спермограммы равнозначна позору на всю жизнь. Он даже слышать об этом не хотел. Предпочитал изводить обвинениями жену. «У меня всё в порядке! Пустоцветов в роду не было! Пусть она лечится!» А от чего её лечить даже Изга не знал. Он так и сказал ей. Сандара ушла в слезах и через месяц вернулась с новым подношением для духов. Это стало пыткой. Изга отказывался от даров, объяснял, почему не будет лечить, а якутка думала, что недостаточно хорошо просит. Нужно готовить вкуснее и уговаривать шамана ласковее. Другой надежды нет. Души детей висели на ветках священной березы и скучали без мамы.

– А где муж твой? – спросил Изга, оглядываясь на цепочку шагов за спиной Сандары. Глубокие провалы от унтов и параллельные линии полозьев. Гостья одна пришла, рядом никого не было. – Сумку с продуктами на санках привезла? С ума сошла?

– На снегоходе, – гордо выпятила подбородок якутка. – Тайком от мужа научилась. Олег в командировку уехал на

служебной машине, а снегоход дома оставил. Ух, я на нём прокатилась! Проехать только к вам через ворота не смогла, побоялась. Санки отцепила и так пошла.

Нельзя ей здесь оставаться, Ирину нельзя видеть. Шаман давно мозоль на языке натёр от объяснений, но прогнать отчаявшуюся женщину так, чтобы она не возвращалась, не смог. Не принято у шаманов отказывать просителям. Сандара это знала и приходила снова и снова.

Мешок, примотанный к детским санкам, был в половину ее роста. Изга в еде остро не нуждался, в магазин собирался ради того, чтобы не терять связи с реальным миром. А потом случилось крушение вертолёта, и он никуда не поехал. Ему бы одному запасов и сейчас хватило, но Ирине, чтобы выздороветь, нужно хорошо питаться.

– Пойдём в дом, – вздохнул он. – Не стой на пороге.

И прежде чем совершенно счастливая якутка вцепилась в мешок, шаман сам его поднял вместе с санками.

Глава 4. Сандара

Я не пошла за ним. Далось мне это с трудом, но я же сильная женщина. Стиснула зубы, сложила руки на груди и осталась лежать в кровати. Тревога почти не мучила, саспенс не нагнетался, как в качественных триллерах и фильмах ужасов. Самые страшные монстры сидели в кабинетах с полами из ценных пород дерева, а не мотались по якутской тайге. Всё, от чего я могла здесь умереть – холод, голод и скука. Мда. От последнего особенно. Древнерусская избушка, как музей, конечно, интересна, но и только. Я уже поела, до очередного похода в уличный туалет ещё пара часов есть – чем заниматься?

В голове прояснилось, мир обрёл четкость, и вернулось желание куда-нибудь приложить руки и голову. Поискать средства связи, например. Электричество в доме есть, значит, болезнью отказа от цивилизации шаман страдал в не слишком запущенной форме. Я бы не удивилась, достань он из кармана сотовый телефон последней модели. Молодой мужчина, а не дряхлый старик, которому уже ничего не нужно. Да и нельзя сейчас без связи. Люди перестали писать письма и ходить друг к другу в гости. Хочешь общаться? Купи телефон и заведи аккаунт в социальных сетях. Тем более Изге как-то нужно зазывать клиентов, согласных оплачивать

его пляски с бубном. Да сто процентов у него интернет есть! Нужно только найти.

Я встала с кровати и пошла на экскурсию. Разрисованный бубен и клоунский наряд аккуратно лежали на стуле в углу. Я не рискнула прикасаться к медвежьей шкуре, пришитой к плечам бесформенной куртки, но подвески и украшения разглядела. Настоящие перья, камни с орнаментом, вырезанные из дерева лица с провалами глаз и открытыми ртами. Примитивизм, повторяющий тот уровень искусства, что был на здешних землях задолго до появления христианства. А ведь красиво. Если Изга это делал сам, то руки у него росли из правильного места.

Я пролезла чуть дальше и сняла тряпку, укрывающую рабочий стол. Мама дорогая, здесь целая мастерская! Скульпторские резцы в коробочках, мотки верёвки, тесьма, бусины, причудливые деревяшки и незаконченное украшение, закреплённое на раме. Мечта любой маленькой девочки или тетеньки, промышляющей торговлей хэндмейдом. Да за одно за это можно неплохие деньги выручить. Никакого китайского бисера, всё натуральное, нестандартное и потрясающе проработанное. Я с наслаждением потёрла кончиком пальца миниатюрный рогатый череп, вырезанный из белого камня. Сколько часов шаман над ним трудился? Или правильнее спрашивать, сколько дней? Две лампы над столом висели, огромная лупа стояла на подставке с держателем. Весь день здесь проводил, когда работал. Наверное, есть забывал. Но

у меня такая увлеченность с некоторых пор вызывала смешанные чувства.

Как-то мы пили чай с одним доктором медицинских наук. Убелённое сединами светило только что проконсультировало отца, и разговор продолжился в гостиной. Я тянула мелкими глотками чай из фарфоровой чашки. Медицинские байки меня интересовали мало, я хотела услышать, что у пациента Карла Римана со здоровьем. Или хотя бы по настроению мужчин понять, стоит ли ударяться в панику. Доктор интеллигентно съел печенье и продолжил:

– Ходил к моему другу пациент. Долго ходил, но плодотворно и однажды похвастался, какие фигурки из дерева режет. Мой друг человек любопытный, да и искусство любит, так что попросил показать. А там на фотографиях профессиональная мастерская и все стены работами увешены. Панно, картины, резные наличники, скульптуры, подсвечники. «Сколько же на это времени уходит? – восхищенно выдохнул мой друг. – Много, – признался пациент, – на большую работу несколько недель». Тут стоило заплодировать, но врач привыкли смотреть на вещи под необычным углом. «А как у вас с женщинами, дорогой мой? – Да, никак, доктор. Проблемы у меня. – Голубчик, что же вы сразу не сказали? Вот визитка одного очень хорошего уролога, он вам поможет». Через полгода к моему другу снова пришел тот же самый пациент в лучезарном настроении. «Как ваши успехи? – спросил доктор. – Помог уролог? – О, да, мне сталоnamно-

го лучше, спасибо за рекомендацию. Уролог, в самом деле, прекрасный. – Да не за что. Рад, что у вас всё наладилось. А что же резьба по дереву? Порадуете новыми шедеврами? – Да я давно уже резец в руки не брал. Некогда, знаете ли».

Так что теперь, когда я вижу увлеченных коллекционеров, мастеров художественного свиста и других обладателей огромного количества свободного времени, то знаю, что с женщинами у них никак. Изга жил в избе совершенно один и, вместо того, чтобы устраивать личную жизнь, плёл браслеты из бусинок и камешков. Даже жаль его стало и непонятно как так вообще? Привлекательный мужчина, сильный, хозяйственный, не урод ни разу. И один. Да в деревнях к таким очереди выстраивались, бабы за волосы друг друга таскали и глаза выцарапывали, а он сам себе суп варил. Что-то неправильное творилось в якутской тайге. Необычное, нестандартное, необъяснимое. Неужели, он и вправду шаман? Шарлатаны обычные люди, с ними ужиться – раз плюнуть. А вот с теми, кто всерьёз слышал голоса в голове, проводил каждый день обряды, пил кровь жертвенных животных и я бы, лютый скептик, поостереглась ночевать под одной крышей. Ну его на фиг. Страшно. Хотя до сих пор Изга ничего пугающего не делал. Я почти поверила, что он нормальный. Не псих. А деревенские бабы, видимо, знали о нём больше.

Кстати, где он? Полчаса прошло, до сих пор не вернулся. Уже замерзнуть должен был, даже если ничего не случи-

лось. А если случилось? Блин, не дай Бог! Мне не улыбалось остаться невесть где в гордом одиночестве. Уж лучше с шаманом.

Я оделась, кое как забравшись в ватную телогрейку и валенки. Не для меня шили, я утонула в мужской одежде. Живот болел люто, ещё и слабость возвращалась, намекая, что я рано выскочила из кровати. Лежать нужно больше, чем ходить. Ну, я одним глазком посмотрю, чем он занят, и вернусь. Вдруг дрова решил порубить? Или воды принести? Да мало ли что шаман мог делать без угрозы для жизни, а я тут волновалась за него.

Спрятаться зимой сложно. Я только вышла наружу и сразу же увидела тропинки шагов. Поблизости никого нет, следов крови, вспаханных сугробов после драки тоже. Шаман степенно удалился мимо туалета на пригорок. Ладно, если не окоченею на ледяном ветру, то найду. Ноги на каждом шагу выскакивали из валенок, а когда возвращались обратно, утопали в голенище выше колен. Не сгибались поэтому. Я шла, как Терминатор с проржавевшими шарнирами. Губы кусала от злости на боль, устала жутко и промочила потом ещё одну рубашку. Изга будет злиться. Увидит меня и заорёт на всю тайгу: «Ирина! Я же тебе сказал оставаться в избе!»

За холмом неожиданно вырос гигантский дом, я аж при-сви-стнула. Ничего себе дворец! Два полных этажа и мансардные окна на крыше. Фундамент настолько высокий, что подвал тоже имелся. А я спала в одноэтажном бревенчатом му-

зее и «до ветру» ходила на улицу. Кто здесь жил? Где шаман?

– Изга, если вам что-то будет нужно, не стесняйтесь, – звонко сказала женщина, а я, как воровка, застуканная на месте преступления, прижалась спиной к стене. Вдруг не заметят? Сердце стучало, аж пульсировало, в глазах ненадолго потемнело. Я шагнула чуть дальше и увидела широкую спину Изги в тулупе.

– Сандара, ты бы не ездила ко мне больше.

– Почему? – тихо спросила она дрожащим голосом.

Я эти переживания и страх узнала бы из тысячи, не напрягаясь. Мужчины стараются отказывать деликатно, подстраивают ситуацию так, чтобы женщина выступила инициатором, но не всегда получается. Влюбленные девушки не желают слышать «нет». Они теряют гордость, плачут, кричат, обещают всё, что взбредет в голову, лишь бы остаться.

– Я вас чем-то обидела?

Нет, ты просто надоела. Повзрослеешь, поймёшь. А зря я, оказывается, половое воздержание Изге приписывала. Крыл деревенских коровушек направо и налево, как бык-осеменитель. Натурой за услуги брал или просто так? Здоровья ради? Быстро управился, кстати. Раздевал хоть и раком в коридорчике поставил и поймел? Я не понимала, почему так сильно разозлилась. Какое мне дело? Еще одной идиоткой попользовались и выбросили. Впопыхах. Наврав с три короба в том числе мне. «Ирина, тебя хотят убить! Накройся одеялом с головой и не высовывайся». А то что? Якутская пас-

сия увидит соперницу, разведёт сопли и долго не уйдёт? Кинется на меня со словами: «Сучка ты крашенная»? Что случилось бы? Чего он так боялся? Аж кричал: «Это мои гости!» Твои, твои. У тебя таких баб, видимо, тонны. Запутался в них, не знал, какая придёт?

– Ты ни в чем не виновата, – скорбно ответил шаман. – Но посторонним людям этого не объяснить. Я не хочу скандала. Твой муж не дурак, он будет ревновать. Ты хоть представляешь, как подозрительны твои поездки ко мне?

Какие страсти, боже! Она ещё и замужем! А якутский простофиля, значит, рогами крышу юрты пробивает? Давно ли? Нет, ну Сандару понять можно. Деревенские ухаживать не умеют, а шаману родом деятельности положено лапшу на уши вешать. Глазом не успеешь моргнуть, как ноги расставишь. «Изга Шаманович, я ваша на веки». И трусы хоть выжимай.

– Мне плевать на Олега, – всхлипнула якутка. – Пусть думает, что хочет. Всю душу вымотал.

– Сандара, нет. Так нельзя. Сломать просто, сложно построить. У вас семья...

– Нет! – закричала она. – Не хочу, надоело! Я врала вам, я никогда его не любила. Вышла замуж, потому что позвал. Детей хотела, думала в них себя найти, сердце успокоить, но ничего нет! А я любви хочу. Разве я прошу слишком много? Обычного счастья... С вами...

– И ты готова изменить мужу? – сухо спросил шаман. –

Вот так запросто?

Сандара замолчала. Мне показалось, я чувствовала, как она дрожит. Желание язвить и злиться пропало напрочь. Я слышала в словах шамана чужое эхо. Голос толпы. «Изменить. Шлюха, шлюха».

– Да, – твердо ответила Сандара и вытерла глаза рукавом. – Готова. Я уже изменила. В мыслях. Полгода страдаю, сны сняться. Я всё обдумала. Развестись хочу и жить с вами. Я бы готовила, убирала дом, заботилась о вас. Я люблю...

– Ты не знаешь меня, – холодно ответил Изга. – Что будет, если сломаешь семью, а потом разочаруешься?

– Я знаю, – упрямо закивала якутка. – Я знаю, какой вы человек. Год общаемся, этого достаточно. А все мелкие недостатки легко можно вытерпеть. Вы храпите по ночам? Разбрасываете по дому носки? Ерунда. Мне хорошо с вами и это главное.

Гордости нет, разума нет, только собачья жажда не расставаться с хозяином. Скулить будет и вилять хвостом, пока Изга не прогонит палкой. А он не позволит ей остаться. Приговор уже вынес. «Изменщица. Шлюха». Я прижалась к стене и не дышала. Сандаре до пропасти оставался один шаг. Она его сделала.

– Пожалуйста, Изга, – прошептала якутка и поцеловала шамана.

Меня всю перекрутило внутри. Я понимала, что он прав, я переживала за неё, но где-то среди яркого взрыва эмо-

ций тонкой лентой тянулось собственное сожаление. Шаман не свободен. Вокруг него чужие женщины, они заявляют на него права, виснут на шее с поцелуями. Где-то, может быть, есть госпожа Извольская. Одна или несколько бывших. Любовницы, интрижки, случайные знакомые. Он не свободен. Сам кого-то любил, с кем-то спал и выдерживал такие сцены. А меня просто не было. Изга стал ещё один мужчиной, прошедшим мимо и не запомнившим моего лица. Я для него – пустое место. Вылечит и забудет.

– Уходи, Сандара, – тихо попросил шаман. – Пожалуйста.

Я отвернулась, проехав бедром по стене, и с трудом разжала замерзшие пальцы. Каждый шаг обратно к избе эхом отдавался в голове. Глупое сожаление, что не мой мужчина. Странное и не правильное. Я расклеилась после аварии, стала слишком чувствительной. Трагедию нашла там, где её нет и быть не может.

– Ирина, – позвал Изга в спину, я не расслышала с первого раза и продолжала идти. – Ирина, стой!

«Ты чужой и никогда моим не будешь». Спокойно нужно принять это. Как данность.

– Да, – ответила я и остановилась.

Метка потеплела и снова наполнялась силой, хотя только что почти исчезла. Значит, не в избе дело. Не в амулетах,

разложенных по углам и висящих на стенах. Ирина спаслась от смерти, но потом вернулась на прежнюю тропу.

– Что ты почувствовала? – спросил шаман, облизывая обветренные губы. – О чём думала?

Дочь Карла Римана подняла на мгновение взгляд и снова отвернулась.

– Ни о чём. Это не моё дело. Извини, я не подслушивала, случайно вышло. Пошла тебя искать и нашла.

Ох, она про разговор с Сандарой! Для шамана он остался в звенящей пустоте. Необдуманный и неосознанный до конца. Уединение нужно и время, чтобы переварить. Сейчас метка отвлекала. Она важнее. Речь о жизни идёт, а не о придуманных проблемах.

– Ирина, я о другом. Тебе смерть грозит. Я уже говорил, но повторяю. Есть метка, особый узор наложенного проклятия. Я вижу их просто так, не впадая в транс и не разговаривая с духами. Это часть моего дара и само по себе проклятие. Я не могу спасти всех. Многие умирают, не прожив больше года после того, как у них появилась метка, но некоторым можно помочь. Если метка не статична, если она «дышит», как у тебя. Что ты сделала только что? О чём подумала? Скажи, это важно.

Холод забирался под тулуп, над ухом беззвучно хихикали слуги Эрлика. Ходить за душой больного человека в царство теней всегда чревато. Изга не мог вернуться, не прихватив с собой несколько зловредных духов. Они питались нега-

тивом, провоцируя самого шамана и создавая вокруг него плотное облако ненависти. Вспышка Сандары – не их затея, но они воспользовались моментом. А теперь Ирина смотрела волком и цедила сквозь зубы:

– Не скажу. Оставь меня в покое, пожалуйста. Я не запрещаю тебе сходить с ума, только меня не впутывай, хорошо? Ты обещал подумать, как мне вернуться домой, когда окрепну. Я встала. Стою, не падаю. Говори. Снегоход, кажется, сломался. Что нужно, чтобы его починить?

Метка темнела на глазах, в сложном узоре закручивались новые витки. Хотя что-то выглядело однозначным. Уезжать из дома шамана Ирине категорически нельзя.

– Инструменты у меня есть, снегоход в гараже, пару дней работы и я справлюсь, если не случится что-то ещё. Раз ты хорошо себя чувствуешь, то пойдем в дом. Нет смысла страдать от неустроенного быта в избе, если она больше не влияет на метку.

– Почему пару дней? – вскинула подбородок Ирина. – Там настолько сложный ремонт?

– Я не знаю, я не механик. Сначала нужно разобраться с поломкой.

– Хорошо, – кивнула она и прошла мимо, с трудом переставляя ноги в огромных валенках. Шлейф раздражения и ненависти ощущался на вкус. Слуги Эрлика пировали, захлебываясь от восторга. У Изги был талант делать женщин несчастными даже, когда он искренне хотел помочь. Шаман

проводил Ирину до двери, а сам пошел в гараж.

Одной стеной он примыкал к дому, обогревался радиатором, но температура выше двенадцати градусов всё равно не поднималась. Утеплён скверно. Изга сел на ящик с хламом посреди другого хлама и снял шапку. Мысли путались, затылок ныл, а горечь на языке от чужой ненависти заставляла морщиться. Ирина его ненавидела, Сандара ненавидела. Вот он снегоход, никуда не убежит, шаман здесь, чтобы подумать.

Якутка сорвалась. Год носила в себе привязанность, лелеяла её, как чахлах росток холодной весной, и вдруг выдала всё одним махом. Как бы до дома добралась, не разбилась на снегоходе. Все сейчас будут виноваты, но она в первую очередь. В зеркало на себя смотреть не сможет. Волосы обрежет или будет долго сидеть в ванне, чтобы смыть с себя несуществующую грязь. Вопросов «почему» много, ответов мало, но куда важнее знать «зачем»? Если Ирина молчит о метке, значит, нужно зайти с другой стороны.

«Ненависть, ненависть», – повторял шаман и тер ладонями лицо. Её слишком много для отката после камлания. Нецелесообразно вываливать столько, чтобы накормить духов. Значит, сама ненависть – ключ. К чему? Что он пропустил? На что никак не мог обратить внимание? Такое случалось часто, на самом деле. Нельзя учиться, когда уверен, что всё знаешь. Если прежние выводы рассыпались, и четкая картинка реальности смазалась – это хорошо. Шаман рас-

тёт. Мысленно пробирается туда, где ни разу не был. Нужно вспомнить всё, что видел недавно и посмотреть на это ещё раз.

«Я разведусь» от Сандары – шок и удар. Она вышла замуж не просто так. Олег предназначен ей. Старая легенда о связанных душах. Две половинки одного целого, живущие в гармонии и дополняющие друг друга. Изга видел это в трансе, как прочную нить между людьми. Редко видел. Обычно пары обходились без предназначения. Просто жили вместе, любили, рожали детей. Оттого каждая пара «связанных» воспринималась, как нечто уникальное и очень ценное. Изга налюбоваться не мог на Сергея Конта и его Наталью. Девушка-медиум. Странная и немного чокнутая, как все, у кого есть дар. А бизнесмен прикипел к ней всей душой и наизнанку выворачивался, чтобы помочь. Изга не удержался. Когда прилетел работать, первым делом посмотрел, нет ли связи? Она была. Мощная, прочная. Но и метка смерти на Сергее тоже. Шаман отложил признание, позволив паре сначала решить свои проблемы, а потом всё же сказал Наталье на их свадьбе. Петь хотелось от радости за них. Надежда появлялась, что если медиум нашла своё счастье, то и шаману когда-нибудь перепадёт. Нужно терпеливо ждать. У него потому с семьёй ничего не вышло, что он не встретил свою половину. Вот придет она, и всё сложится. Счастье, любовь, дети.

У Сандары и Олега уже сложилось, как же. Тоже предназначенные. Когда Сандара пожаловалась, что родственни-

ки к разводу подталкивают, а она не хочет, шаман и полез посмотреть связь. Вдруг люди правы и проще развестись? Оказалось, что нет. Они потому и поженились так быстро. У предназначенных пар иначе не бывает. Им не нужно проверять чувства, они знают, что любят друг друга и хотят быть вместе. Но прошло семь лет, и жена возненавидела мужа. Гармония рассыпалась, всё улетело в какую-то беспросветную бездну. Так не должно было быть, но так было.

Шаман перебирал пальцами отросшие волосы на затылке и повторял, как мантру: «Ненависть, ненависть». Если глупцу кажется, что чего-то не может быть, значит, так и есть. Он обожествлял саму идею связанных душ. Считал, что в их отношениях всё идеально. Ни одной ссоры, ни одного упрека, полное взаимопонимание. А это не так. Взрослый мужик жил иллюзиями наивного пацана. Предназначенные могут ненавидеть друг друга. Они и развестись, судя по всему, могут. Да, это выбивало почву из-под ног и делало мир темнее, чем он был. Шаман и так не слишком верил в идеалистически красивые вещи, а теперь становился ещё злее и циничнее. Оставалось понять, зачем ему преподнесли эту истину и натывали в неё носом? Чтобы повзрослел? Состарился тогда уж, возраст давно не тот для взросления. Или чтобы отчаялся найти себе пару и всю оставшуюся жизнь прожил один, как настоящий отшельник в избе посреди сибирской тайги? Похоже на правду сильнее, чем любой другой вывод.

Он встал с ящика, чтобы заняться снегоходом и споткнул-

ся.

– Твою же мать! – тихо вырвалось со стоном. Несчастные пальцы, он их когда-нибудь сломает. Что за манера у духов именно так давать понять, что вывод неверный? Что тогда?! О чём ещё он должен подумать?

Ненависть, связанные пары, развод. Нет, развода ещё не было, это лишняя деталь. Ненависть, «связанные», метка Ирины... Она слышала разговор с Сандарой и пропустила его через себя. Шаман обязан знать, о чём подумала его гостья. Без этой детали картинка не сложится. Снегоход подойдет, нужно вернуться в дом.

Глава 5. Танец с бубном

Первые две минуты я мечтала Изгу убить. Для чего понадобилась сцена с ведром и поход в уличный туалет, когда в шаговой доступности нормальный санузел? Даже два. Я ему это припомню. Не знаю когда и по какому поводу, но просто так не оставляю. Да я была уверена, что попала в бытовой ад самой отсталой таежной глубинки, а тут такое.

Нормальный дом. Не рублевский дворец, конечно, но и не бревенчатая хибара с торчащими отовсюду гвоздями. Бурлила я и кипела гневом ещё минуту, а потом успокоилась. Показал ведь, привел. Было бы хуже, реши Изга ради аутентичности шаманских обрядов оставил меня в том доме. Избушка на курьих ножках посреди сибирской тайги смотрелась уместнее, чем махина в два этажа с кожаными диванами. Тем более такая пустая и недоделанная. Вещи стояли в коробках и валялись в мешках, стены обшили гипсокартоном и ремонт прекратился. Нет, серьёзно, огромные серые листы, прикрученные саморезами и всё. Даже швы никто шпаклевать не стал. У шамана внезапно кончились деньги? Не рассчитал и сдулся в самом начале? Кредитов, поди, набрал на строительство и расплачивался до сих пор. А отделка уже постольку поскольку. Главное, что стены есть. Жить можно.

Мудрое решение, кстати. И дом, если приглядеться, хоро-

шо сделан. Я поскребла ногтем срез бруса в недоделанном проёме двери и нехотя признала, что основные работы выполняли профессионалы. По уму всё. Без надежды на теплые зимы, но и без лишнего «запаса прочности». Рационально, надёжно, эффективно. Жаль, конечно, внутреннюю отделку. Сюда бы толкового дизайнера и бюджет раз в десять больше, чем первоначально заложено. Ух, Лена Бельская оторвалась бы. Заснеженные пейзажи за окном и охотничий стиль – ее тема. Камень, натуральное дерево, шкуры животных, много света и уютного текстиля. Такую бы конфетку слепила, что потом долго на выставках показывала.

Боль в животе улеглась до терпимой, а я пригласилась в мягком углу кожаного дивана и чуть не задремала. Практичная обивка. Нырнешь в неё, как в холодную воду, зато потом, когда нагреется, вылезать не хочется. Поспать, что ли, правда? Я натянула длинную сорочку на колени и закрыла глаза. Сонно причмокнуть не успела, как на пороге гостиной появился шаман. Чёрт, призраки громче ходят! Они хотя бы стонут и цепями гремят.

– Напугал, – пискнула я, хватаясь за край сорочки.

Изга упрёк, как обычно, проигнорировал. Сумрачный был и злой. Ещё раз с Сандарой пообщался? Она вернулась? Я сильно сомневалась. Скорее всего, что-то другое случилось. Шаман медленно положил бубен на комод, а костюм с медвежьей шкурой на противоположный от меня край дивана.

– Ты трогала мой верстак?

Блин, он меня спалил! В животе противно бултыхнулся айсберг и проскрежетал по борту подвернувшегося под руку «Титаника». Вот я дура. Нос в чужие вещи засунула, а вернуть всё как было, не догадалась. Ай, мамочки, до чего же глупо!

– Что? – пролепетала я голосом Машеньки, уснувшей в кровати медвежонка из сказки. Сейчас Шаман «включит» папу-медведя и начнет задавать неудобные вопросы: «Кто трогал мои бусы и раскидал их? Куда делись лягушачьи ноги и куриные потроха?» Ох, и стыдно, и страшно. Я в последний раз так дергалась, когда любимый паркет отца поцарапала. Смалодушничала и попыталась прикрыть ущерб половиком. Уши горели, язык заплетался. Не хватало только пальчиком в ладошке поковырять и промямлить: «Это не я». Детский сад.

Господи, ну что мне шаман сделает? Трогала и трогала, не украла же ничего.

– Хорошо, я спрошу по-другому, – холодно сказал Изга и подошел ближе ко мне. – В избе есть рабочий стол, прикрытый чехлом. Ты случайно его сняла и увидела занятные безделушки, так? Схватила, чтобы посмотреть ближе и положила обратно.

Мне ещё паршивее стало. Я не собиралась врать, а он заранее допрашивал меня, как преступницу. Очевидные факты, наводящие вопросы. Успокоилась, значит, придремала

на диване.

– Да! И что? – с вызовом спросила я, приподнимаясь на локтях. Раздражение подстегивало, голос вибрировал. – Это запрещено? Там табличка висела «не влезай, убьет?» В чём дело?

– Ни в чём, – ответил шаман, но только разозлил сильнее. – Я должен знать, что именно ты трогала. Постарайся вспомнить, это важно. Амулеты – рабочий инструмент. Пока они на верстаке, к ним никому нельзя прикасаться, кроме меня. Настройка собьётся, всё пойдет насмарку. Мне придется начинать заново.

Мамочки, какой бред! «Чтобы игровые карты стали гадальными, на них должна посидеть нецелованная девственница, сплюнуть три раза через левое плечо и постучать по дереву», иначе имя суженного-ряженного тебе предскажут неправильно. Изга верил в подобную муть? Да, судя по тому, как буравил меня взглядом. У всех есть предел, у меня тоже. На работе прорва проблем, а я сижу неизвестно где, неизвестно с кем и бусинки перебираю. Камешки, деревяшки.

– Костяной череп, – призналась я. – Белый с рогами. Больше ничего. Да и череп просто ткнула пальцем. Это преступление?

– Нет, – серьёзно ответил шаман и смягчился. – Череп можно. Это украшение пока. Я не успел его зарядить. Но больше к верстаку не подходи, пожалуйста. Хорошо?

– Договорились, – выдавила я из себя и поджала ноги. –

Ты за этим пришел? Снегоход уже отремонтирован? Можно ехать?

– Нет, я ещё не закончил.

– Тогда какого, – я запнулась, но всё-таки закончила мысль, – полового органа ты за амулеты беспокоишься? Тебе помочь? Давай я засучу рукава и пойду чинить снегоход.

– Сиди здесь, – отрезал Изга. – Ты поможешь мне, если скажешь, что почувствовала после разговора с Сандарой. От чего побледнела метка? Будем знать, станет легче думать, что делать дальше.

Он издевался. Проклятый шаман с навыками хирурга решил вывести меня из себя. Получилось. Затрясло так, что это стало заметно.

– Ничего. Мне плевать на то, кто к тебе ходит и о чём говорит. Я постояла рядом и ушла, что тебе ещё нужно?! Со-чувствия? Похвалы, как правильно ты поступил? Молодец, девушка душу открыла, а ты... «Будут тут еще всякие вешаться, не спросив разрешения...»

– Ненависть? – перебил Изга. – Ты почувствовала ненависть?

– Да, ненависть! К тебе, к ней, к себе, ко всем сразу. К проклятому вертолёту, рухнувшему не там, где надо и не дотянувшему до Якутска. К боли в животе, слабости, операции...

– Не правда, – убийственно тихо ответил шаман. – Ты о другом думала. На ненависть и злость метка не реагирует.

Меня спустили с поводка, словно все барьеры рухнули за

один вздох.

– Я тебя сейчас ударю. Сволочь, урод, как же ты меня достал. Катись в бездну! Убирайся к чёрту!

Я бросилась на него, насколько позволяло непослушное тело. Нелепо взмахнула руками и не дотянулась кулаком до головы. Пружина в груди распрямилась, злость вышла жаром. Мир перестал существовать, я видела его урывками. Яркими вспышками боли вокруг шва и белыми пятнами на рубашке шамана. Приятно бить того, кто не сопротивляется. Пока Изга пытался удержать меня, я молотила его по плечам и затылку. От души, со всей дури, пока кулаки не зазвенели от ударов. Силы кончились, ярость тоже. Я думала, что всё происходило долго, но на деле кончилось за несколько секунд. Я обмякла в руках шамана и позволила посадить себя на диван.

– Я сам узнаю, раз ты не хочешь говорить. Клянусь, если не увижу то, чего жду, просто отпущу тебя домой. Я тоже не железный. Мне даром не нужно всё, что сейчас происходит.

«Мне тоже», – хотела ответить я, но стало всё равно. Шаман взял бубен и достал из-за шивороты связку побрякушек. Сейчас танцевать будет? Ой, да ладно, пусть делает, что хочет. У меня живот горел огнём. Перестаралась с дракой. Как бы шов не разошелся. Я сползла по спинке дивана и закрыла глаза. В тишине раздался первый удар в бубен.

Он напоминал большой барабан или тяжёлый колокол. Низкий звук, богатый, резонирующий. Второй удар, третий.

Волны заполняли гостиную, а я передумала открывать глаза. Боль откликалась на удары. Мембрана шаманского бубна раскачивала воздух. Ни тонких струн, ни замысловатый игры, однообразный и монотонный звук. *Бом-бом-бом*. Круги, расходящиеся по воде от броска камня. Ничего особенного совершенно. Скучно и глупо, как всё, во что верил хирург, внезапно ставший шаманом. Я поджала ноги, чтобы стало легче лежать. Боль закручивалась во мне спиралью и жгла нестерпимо. Мне бы укол или таблетку, а не представление на полчаса. Я диджеев не могла слушать на дискотеках, раздражало повторение одних и тех же звуков, а кого-то качало. Амфетамин их качал, а не музыка. Максимально тупая, отключающая мозги и дарящая счастье. Такое, какое должно было быть вокруг меня, но происходило что-то иное. *Бом-бом-бом* долбило где-то вдалеке, а волны накатывали невпопад. Их частота и амплитуда возрастала, звук уже заполнил всю комнату и добрался до меня. Первый всплеск качнулся в животе, я открыла глаза.

Изга слушал бубен. Стоял на месте, согнувшись, и сосредоточенно бил колотушкой в мембрану. Не считал интервалы, не отстукивал ритм, но чувствовал его так, будто проглотил резонатор и он колебался внутри него. Волны будоражили до щеколки. Я тёрла ладонями плечи и дрожала. Звук поднялся из живота и звучал уже где-то в горле. Хватит! Пусть он перестанет!

Но шаман только начал. Он опустил бубен ниже и пошел

вокруг дивана. Колебания причиняли боль. Меня корежило и передергивало от судорог. Общий наркоз наяву. То само состояние перед падением в пустоту, когда ещё слышишь, видишь и соображаешь, но уже ничего сделать не можешь. Меня не стало, волны смыли моё тело и понесли к шаману. Я не понимала, где он. Только что колотил по бубну справа и вот он уже надо мной. Снова пропал и появился пульсирующей звездой. Такой безграничной, что невозможно осознать. Я не боялась, что войду в транс вместе с ним, я не достойна. Духи не принимали и гнули к земле, как жука подошвой ботинка. Чужой танец, чужая песня, чужая бездна, открывающаяся рядом со мной. Шаман черпал из неё силы и бубен звучал громче. Не стало вообще ничего, я оглохла и ослепла. Только чувствовала, как рыба боковой линией, колебания волн и направление течения. Боль в животе достигла пика и пошла на спад. От облегчения захотелось смеяться, а потом и это ощущение смыло волной звука. Бубен звучал во мне, перебирая каждую клеточку тела, как шаман бусины и деревяшки. Меня разглядели до самых глубин и оставили в покое, как я давно хотела, как мечтала.

Резонанс кончился так же резко, как начался. Тяжёлая плита исчезла. Я подняла голову и заново увидела комнату. В ней светило солнце. Размотало блестящую материю из окна по полу и накрыло шамана. Искры горели на ворсинках его рубашки, кожа светилась. Я стерла с лица паутину оцепенения и подумала: «Охренеть». Прошептать не смогла.

Среди всех шарлатанов, ряженных циркачей и дешёвых актеров мне попался один настоящий шаман. Вера в это уже сидела внутри меня и не вызывала вопросов. Только один: «Как он смог?» Откуда он такой взялся? Родился и всегда умел или добрался до сегодняшнего состояния через миллион пройденных дорог? Не важно. Всё, что я чувствовала до этого, сжалось до размера маленьких бусинок и просыпалось на пол. Страх остался. Я боялась того, кто стоял рядом со мной. И тем сильнее, чем больше понимала, что мы одни в его доме. То, что качало воздух, всё ещё клубилось вокруг него, но медленно втягивалось в амулеты, висящие на груди. Теперь я разглядела их во всей красе. Черепа, кости и кричащие лица. Он достал их из бездны или они сами пришли?

– Почему черепа? – спросила я первое, что пришло в голову. Глупый вопрос, не требующий ответа. Но Изга обернулся ко мне и сказал:

– Потому что я – чёрный шаман. Я слышу голоса мертвых, бываю в царстве теней и лично знаком с Эрликом.

– Я больше никогда не прикаснусь к твоим амулетам, – прошептала я, чувствуя, как широко распахнулись глаза. – Клянусь. Близко не подойду.

«И ты стой, пожалуйста, там, где стоишь», – хотела попросить я, но осеклась. Аура страха исчезла, Изга стал обычным человеком, но я будто впервые его видела. Духи умели выбирать тех, кому согласны подчиняться. Как обманчивы его мягкость и спокойствие. Словно крышка ящика Пандо-

ры, обитая бархатом. Внутри столько, что и словами-то описывать не хочется. Но самое странное – мне нравилось. Господи, да я от восторга едва дышала!

– Тебя как-нибудь называют вежливо? Особое обращение вроде «мистер» или «сэр», приставка к имени?

– Здесь нет, – тихо ответил он. – Не принято. Просто Изга.

Поскромничал. Наверняка, когда с подарками приходили, а не с тяжёлыми разговорами, как Сандара, то и кланялись, и смотреть в глаза боялись. Теперь я до самой последней точки и запятой понимала, почему. Человеку, голодному до веры в чудо, его только что показали. Это как в детстве узнать, что Дед Мороз существует. Или уже во взрослой жизни увидеть единорога, скачущего по улицам столицы и выбивающего цветы копытами из асфальта. Уже за одно чувство эйфории стоило сказать «спасибо». Давно я не ощущала мир таким настоящим. Не фальшивой копией с картонными декорациями и гнилыми людьми, а чем-то большим, чем просто улицы, дома, деревья, птицы.

Крыша ехала, да. Но пусть уж она едет в эту сторону, мне здесь комфортно. Просто сидеть и ничего не делать, считать пылинки в солнечных лучах. Можно я побуду с этим ощущением ещё чуть-чуть? Ну, пожалуйста. Да? Спасибо.

Ирина улыбалась, как ей стало хорошо. Вышел черный

сгусток из груди. Изга его тянул с такой силой, что боялся сломать девушке рёбра. Чувство вины под руку толкало. Страх хирурга, случайно задевшего на операции крупную артерию. Фонтанчик крови, падение давления у пациента и несколько мгновений, чтобы всё исправить. Лишь бы не услышать от анестезиолога: «Асистолия. От стола». После крушения вертолёта шаман вытащил Ирину из царства теней, а проверить, не прицепился ли к ней кто-нибудь, уже не смог. Вышел из транса в глубокий обморок и проспал на полу до утра. Как очнулся, бросился проверять, в порядке ли тело и не вспомнил про дух. Редкостная дрянь прицепилась. Жижа густая и чёрная, как смола, прямо возле сердца. Она и обостряла реакции до предела, будила агрессию. Вместо прекрасной принцессы в избе проснулся огнедышащий дракон. И ничего Изга не заметил. На характер Ирины списывал. Воспитание, проблемы с отцом, враждебное окружение, зависимость от зоны комфорта и десятков других причин. Всё это влияло, да, но до драки не могло довести.

Изга в шоке был. На мгновение захотелось махнуть рукой на строптивницу и отпустить, куда просилась. Домой. Пешком через тайгу. И пусть бы кто-нибудь другой рассказывал ей про угрозу жизни, заказчиков убийства и банальное обморожение. Шаман верил, что если он заглянет в Ирину и не обнаружит толстой нити привязки предназначения, то сможет проводить её за дверь и не броситься следом. Чужая женщина – чужие проблемы. Но красота узла, завязанного не без

помощи воли Вселенной, заключалась как раз в том, что женщина своя. Та самая, кого ждал так долго, превратившись в мужской вариант Ассоль. Просто сидел в избе и ждал, когда на горизонте вспыхнут алые паруса и счастье само приплывет к нему в руки. А появилась Ирина. Упала прямо с неба на голову. «Вот она я, смотри, какая досталась».

Слабая, уставшая, больная, злая, несчастная, одинокая, недолюбленная настолько, что хотелось обнять и не отпускать. «Где ты была столько лет? Что ты делала, чем дышала, как тратила свою жизнь вдали от меня? И я тоже хорош. Где я был? Как я мог допустить, чтобы тебе стало так больно? Что ты пришла ко мне израненная?»

Была она сильно. Голова гудела, пока пытался войти в транс. Казалось, что все духи сговорились и разом набросились, чтобы что-то объяснить и показать. Он увидел. Не только связь и сгусток возле сердца, но и острую боль в животе. Последнюю удалось снять, но долг врача требовал посмотреть, что случилось. Изга чувствовал себя вторым женским персонажем за пять минут. Скарлетт О'Хара с её: «Я подумаю об этом завтра». Он обдумает всё. Обязательно. А сейчас нужно позаботиться об Ирине.

До саквояжа с медикаментами шел на деревянных ногах. Бубен долго прижимал к бедру и не знал, куда положить. Вспомнилась шутка о том, что когда страдают близкие, часть мозга, отвечающая за медицину, отключается напрочь. Для шаманов подобное тоже справедливо. Себя не видишь со-

всем, а связанных с тобой друзей, знакомых, родственников, как через кривое зеркало. Пытаешься отстраниться и работать – забываешь, что рядом живые люди. Вспоминаешь, кто именно нуждается в помощи, и не можешь работать. Глупости делаешь, из рук всё валится. Внутри один стылый ужас, что ошибешься и навредишь. Как новичок, впервые взявшийся за бубен. Идиотом себя чувствуешь, язык заплетается. Какой там транс? Просто бы по лесу пройти и не провалиться сквозь землю от стыда и неловкости.

Где перевязочный материал? Сутки прошли, повязку пора менять. И катетер снять, не нужен он больше. Изга вернулся с саквояжем в гостиную и замер на пороге. Ирина уснула. Обняла мягкий диванный подлокотник и ровно дышала, чуть приоткрыв рот. На бледные щеки вернулся румянец, морщинки на лбу и переносице разгладились. Проклятая метка смерти едва мерцала, но никуда не делась. Вселенная не собиралась отдавать шаману его счастье легко и просто. Поманила издалека, но по-прежнему крепко держала жизнь Ирины в зубах. «Хочешь? Попробуй отбери».

А нужен ли он ей? В столице совсем другая жизнь. Не слишком замечательная, но она гораздо привычнее глухотамани, где обитал шаман. Что скажет Ирина, узнав, какая связанная душа ей досталась? Половину он уже слышал. «Шарлатан, наркоман, псих». Она больная собиралась сбежать, здоровая точно не останется. Фыркнет, закатит глаза, развернётся и уйдёт. Не ремнями же её к дивану прикручивать.

А чем удержать? Чувствами? Они, если появятся, то очень не скоро. Старыми легендами? Ирина посмеется над ними. Супом с говяжьими рёбрами, льняными сорочками, бревенчатой избой?

Да что ж одни женские мысли в голову лезли? Не слышал ни разу о таком побочном эффекте после камлания. Не мог же он настолько глубоко нырнуть в Ирину? Или смог? «Зацепил» в трансе и нечаянно «выпил»? Она поэтому спать легла? Да нет, что-то не то.

Изга сел на диван и поставил саквояж под ноги. Будить не хотелось. Она так умиротворенно улыбалась, что язык не поворачивался позвать по имени. Пусть отдохнет немного. Эффект от шаманского лечения примерно такой же, как после укола сильнодействующего препарата. Жаль, что грубое тело гораздо податливее тонкой души. Сгусток он убрал, бросаться на него с кулаками Ирина больше не должна, но проснется прежней. Со всем недоверием, скепсисом и нежеланием слушать.

Нет, он не станет рассказывать ей про связь. Он после всего, что узнал, будет тщательно выбирать слова. И думать. Очень много думать. А начнет прямо сейчас.

Глава 6. Чёрный шаман

Проспать до утра не удалось, я отдохнула и открыла глаза. Диван вспомнила не сразу, гостиную тоже. Пока привыкала к темноте, всё казалось чёрным и бесформенным. Солнце отдыхало на другой стороне планеты, а Луна, видимо, уменьшилась до состояния огрызка и стыдливо пряталась за облаками. Хотелось играть словами: «Не видно ни зги. Изги тоже нигде нет». Он укрыл меня одеялом и ушел. Я попыталась встать, и тут что-то зашуршало в углу.

Мыши?! Мамочки, я не выносила мышей! Кто ещё мог шастать по дому? Вот и живи на природе. Чёрт, мыши! Серые, мерзкие, гадают везде, в комнате воняет.

– Фу, господи!

– Ирина? Что такое?

Невысокий холм одеяла зашевелился, и я увидела шамана. На коврик спал, под диван забился. Рядом со мной место было, а он выбрал «половую жизнь». Постеснялся? Тогда почему в спальню не ушел? Мне, конечно, приятно, что он берёт мой сон, но было неловко.

– Ничего, – выдохнула я. – Испугалась.

Он встал, зажёл свет в комнате. Сразу весь. И я надолго зажмурилась. Дурная врачебная привычка. В больницах так делали. Я лежала в детстве на обследовании ещё когда плат-

ной альтернативы не было. Медсестра заходила в палату на десять человек и врубала лампы. Орала: «На анализы!» Ни один звонок будильника после я ненавидела так сильно, как её противный квакающий голос.

– Как себя чувствуешь? – сонно пробормотал Изга. – Живот болит? Покажи.

Спасибо воспоминаниям, отреагировала я на автомате. Вытянулась на диване, откинула одеяло, и, когда ткань сорочки поехала вверх по голым ногам, сообразила, что раздета. Стесняться шамана я за это время меньше не стала. А после того, как видела его с бубном, дистанция стала ещё больше. Настоящий шаман, почти небожитель, а тут я с отросшей щетиной на всех местах. Да, на всех. Зону бикини я эпилировала до гладкой кожи. Привыкла так, нравилось. А за три дня вынужденного отпуска неухоженность стала бросаться в глаза. И так лежу нечёсанная, неумытая и противная сама себе.

– А можно я оденусь сначала? – пролепетала я, прижимая сорочку к ногам. – Ладно, шуба могла после аварии пострадать, и ты её выкинул, но бельё-то целое. Верни, пожалуйста.

Отреагировал он странно. Я приготовилась упираться рогами и отстаивать своё право не светить голым причинным местом перед посторонним мужчиной, а Изга сгорбился, отвернулся и уже на ходу ответил:

– Сейчас принесу.

Что с ним? Муха-девственница укусила? Тоже стесняться

начал? Хирург? Как-то слабо верилось, но задавать вопросы я не стала. Теперь Изга в моих глазах мог выглядеть настолько чокнутым, насколько ему самому нравилось. Представить страшно, как далек его мир от привычного мне. «Чёрный шаман» – звучало круто. Почему-то гораздо солиднее, чем белый. Это как чёрный маг, да? Тот же смысл?

Он вернулся с комком ткани в руках и протянул мне. Тонкий хлопок брендовой маечки я узнала наощупь. Раскрыла и на колени выпало остальное бельё. Чистое. Бережно выстиранное и высушенное так, что на ткани не осталось заломов. Я покраснела. Останься бельё несвежим, я хотя бы была уверена, что Изга его не трогал. А так – сколько раз прикоснулся? Это было интимнее и бесстыднее, чем все врачебные осмотры вместе взятые.

– Отвернись, пожалуйста, – попросила я, едва ворочая языком, но шаман уже встал ко мне спиной.

Пальцы перестали гнуться. Я неуклюже ворочалась и пыхтела, не обращая внимания на вспыхнувшую боль в животе. Перетерплю. Главное, быстрее одеться.

– Слушай, а можно вопрос? – спросила я, лишь бы не молчать. Вынужденная пауза напрягала и нервировала. Спина шамана тоже. – Чёрный шаман вроде чёрного мага?

– Нет, не вроде, – отозвался он, даже не пытаясь обернуться. – Смысл деления на белых и чёрных в другом.

– В чём? Расскажи, пожалуйста, мне интересно.

Бюстгальтер я сначала хотела надеть под сорочкой, но

проталкивать лямки в узкие рукава оказалось неудобно. «Верх» пришлось снимать полностью.

– Миры делятся на верхние, где живут боги, средние, где живут люди, и нижние, принадлежащие мертвым, демонам и Эрлику. Белые шаманы потому белые, что они путешествуют только по верхним мирам. Служат богам, приносят им жертвы и никогда не спускаются на нижние миры.

– А чёрные шаманы не поднимаются на верхние?

Я не врала на счёт интереса. Подозревала, что Изга специально для меня упрощал объяснения, но он говорил. Не задирает нос, как принято у всяких гуру, не отвечал снисходительно: «Ты вряд ли поймёшь такие сложные истины, девочка», он рассказывал.

– Нет, поднимаются. У нас нет запретов. Я могу обратиться к богам, а потом спуститься в царство теней. Богам обычно нет дела до проблем людей, зато Эрлик и его слуги принимают в нашей жизни самое живое участие. Когда человек долго болеет, считается, что его душу забрал Эрлик. Это не всегда так, но если я вижу, что душа ещё живого человека уже в царстве теней, то могу её оттуда вытащить. Иначе она останется там.

– Человек умрёт? – я начинала понимать. – Царство теней – загробный мир, а Эрлик кто-то вроде Харона?

– Скорее Аида, – потеплевшим голосом ответил шаман. – Ты оделась?

– Да, я готова к осмотру.

Он обернулся, а я послушно задрала сорочку до груди. В положении лёжа живот проваливался к позвоночнику, и любя девушка выглядела чуть стройнее, чем она есть, но я всё равно заметила торчащие рёбра. Чёрт, один килограмм из своих пятидесяти я точно потеряла. Нет, ну а что? При ускоренном метаболизме за мной не заржавеет. Три дня строгой диеты а-ля коматозник и можно заработать сочувственный взгляд доктора.

– Сейчас живот болит?

– Чуть-чуть, – приуменьшила я степень своих страданий, – внизу.

Пальпировать Изга начал от желудка, периодически спрашивая: «Здесь? Здесь?» Пока не прошелся по всем здоровым органам, до места удалённой ранее селезёнки не добрался. Вокруг белой повязки давил с особой осторожностью. Я млела от того, как он задерживал дыхание и прислушивался к ощущениям на кончиках пальцев. Хороший хирург тоже немного шаман со сверхспособностями. Видит и чувствует то, что другие и представить не могут.

– А духи тебе сейчас подсказывают?

– Нет, – улыбнулся Изга так широко и открыто, что я не удержалась и по-детски скопировала улыбку в ответ. – Я слышу их голоса только в трансе. Вне измененного сознания они тоже, бывает, толкают под руку, но это редкость. Обычно они живым не докучают. Половина рассказов о домовых, барабашках и полтергейстах – выдумка.

– А вторая половина?

Шаман добрался до кишечника, и сохранять невозмутимый вид стало сложнее. Я морщилась, сопела и проклинала каждый неприличный «бульк» в животе.

– Вторая – нет, – ответил он, на мгновение оставив меня в покое. – Бывает, прицепится какая-нибудь сущность и мешает жить. Со стороны человек выглядит нервным, дёрганным, злым без причины. Не до фильмов об Эмили Роуз, конечно, но приятного тоже мало. Тогда родственники идут к шаману.

– И ты становишься экзорцистом?

Он задумался. Мои аналогии ставили его в тупик. Да, я плаваю в мат.части, но нужно как-то встроить новые знания в старую информационную матрицу. Это единственный способ усвоить их. Соотнести непривычное с привычным.

– По сути да, – кивнул он, – я изгоняю злых духов. Мелких проказников выдёргиваю бесцеремонно, а с ребятами посolidнее приходится договариваться.

У меня, наверное, глаза горели ярче потолочных ламп. Всегда заводилась, наблюдая, как работают профессионалы, а тут два специалиста в одном.

– Здесь болит? – спросил Изга и как-то особенно глубоко надавил.

– Нормально, – пискнула я, стараясь не стонать. – Терпимо.

Спорить и ловить меня на лжи он не стал. Я давно при-

выкла к своему экстремально низкому болевому порогу. Любой осмотр причинял дискомфорт, даже если я совершенно здорова. А после операции должно быть больно. К тому же синяки на животе никуда не делись. Не до бикини пока и пляжных фотосессий.

– Хорошо, ничего серьёзного нет, – подтвердил Изга мои мысли. – Сейчас повязку поменяю и катетер уберу.

Захотелось его поддеть. Не как в прошлый раз, а мягче.

– Я думала, ты меня всё время будешь, как шаман, лечить.

Есть такой бзик у людей, увлеченных духовностью. Потусторонние силы казались всемогущими, а традиционная медицина ерундой. Таблетки – химия, прививки – зло, всевозможные терапии при онкологии – попытка злых докторов сократить жизнь. Только травы, только медитация.

Изга замер на мгновение, а потом дотянулся всё-таки до саквояжа под диваном.

– Я бы хотел, но раз взялся за скальпель, то появились нюансы, которые нужно проверять постоянно, а не только в трансе. Как заживает шов, например.

Супер! Адекватность у нас на месте. Я окончательно ослабилась и позволила шаману побрызгать мою повязку бесцветной водичкой без запаха.

Повязка прилипала намертво. Не сползала с тела даже

после душа, поэтому отклеить её от кожи был тот ещё фокус. Изга размочил края хлоргексидином и осторожно поддел ногтем уголок. Ирина терпела ровно две секунды, потом зажмурилась. Не стонала, но шаман видел, как ей больно. Что-то не так. Руки сами замерли, прекращая пытку. Под повязкой в том месте, где к коже прикасался клей, появилось раздражение. Вчера ещё не было, а сегодня характерная краснота и припухлость.

– У тебя аллергия на препараты есть?

– Нет, – мотнула головой пациентка, – я всё переношу нормально. А что там?

С другой стороны пошли пятые сутки, признаки аллергии должны были проявиться гораздо раньше. Раздражение от мелких механических повреждений? Перевязка травмировала кожу, как ни крути.

Ирина не вытягивала шею и не пыталась скосить глаза. Да, её волновало, что происходит, но она ждала ответа от него. От Изги. Признала в нём врача и хотя бы своё здоровье, наконец-то, решила доверять.

От осознания по телу разливалась эйфория ещё большая, чем когда Ирина спрашивала про Эрлика. До чего же примитивная реакция, а как приятно. После всех споров, ругани и швыряния посудой, словно мёд на краюшку хлеба налили. Душистый, ароматный, сладкий.

– Кожа у тебя нежная, – пробормотал Изга. – Раздражение появилось от перевязок. Я возьму пластырь другого разме-

ра. Ещё пару дней придется потерпеть. Извини, но если не закрывать шов, в него может попасть инфекция.

— Хорошо, — кивнула она. — Делай, что нужно.

Шаман заменил узкую повязку на широкую, но экзекуцию с отрыванием пластыря пришлось продолжить. Катетер тоже фиксировался на руке специальной «бабочкой». Изге не понравилось причинять Ирине боль. Не правда, что все врачи немного садисты. Когда хирург делает скальпелем разрез, пациент уже давно спит и ему хорошо. А ещё никак не удавалось отделаться от шаблона специфических отношений. Двадцать лет запрещал себе воспринимать пациенток, как женщин, и вот теперь нужно, а никак. Заклинило в голове. Не теми глазами он смотрел на предназначенную ему вселенной пару. Что-то шевельнулось, когда попросила бельё вернуть, и опять шов, перевязка, катетер.

Моложе был, легче переключался. Снимал белый халат, выходил на улицу и улыбался хорошеньким девушкам. Сейчас тоже было хорошо, но не так. Просто спокойно, что она рядом, жива, относительно здорова и ей пока ничего не угрожает. Может, в этом дело?

Она *уже* у него дома. Они *уже* вдвоём и рядом больше никого нет. Конфетно-букетный период сгорел в рухнувшем вертолёте. Изга сварил Ирине суп, постирал её одежду и думал, не посмотреть ли вместе фильм, подключив планшет к телевизору? Тихая семейная идиллия без семьи или длительных отношений. Он потеряет даже это, если Ирина со-

берёт вещи и уедет в столицу.

— Я обещал, что мы поговорим, когда тебе станет лучше, — Изга вынул катетер, приложил к сгибу локтя ватный шарик и заставил Ирину согнуть руку. Всплеск адреналина взвинтил нервное напряжение. — Я готов.

А я нет. Я так долго жила в состоянии критической нехватки времени, сорванных графиков, дедлайнов и жёстких сроков, что впервые вывалившись из системы, чувствовала себя так, словно упала на дно колодца и растеклась амёбой. Сначала слабость не позволяла встать и куда-то пойти, потом отсутствие мобильного под рукой. Я видела десяток кошмарных снов о работе, но не могла сказать даже какой сегодня день. Что произошло в строительном холдинге «Альянс», пока меня не было? Но лежать нельзя. Пора собирать себя в кучу. Есть множество дел, завязанных на меня так крепко, что они не решатся без личного присутствия. Никто банально не включит рабочий компьютер, не зная пароля. Подчиненные, конечно, примут на себя ответственность и разрулят самые срочные моменты, но чёрт, накуролесят сгоряча так, что я за голову схвачусь, когда зайду в офис.

Нет, они не тупые. Хорошие специалисты с прекрасной мотивацией работать и командным духом, однако есть такая неприятная штука, как уровень доступа к информа-

ции. Стратегические решения, известные исключительно топ-менеджменту холдинга, личные пожелания отца, интересы множества других людей, увязать которые вместе – отдельное искусство. Всё это скрыто от глаз среднего звена, происходит кулуарно и в кулуарах же остаётся. Отсюда, наверное, и растут ноги у любимого мифа всех служащих, что руководство не работает, а только указания раздает. Мало кто видит, что мы делаем на самом деле. Шаману я тоже сейчас не смогу всего объяснить. Большая часть оправданий, зачем мне срочно в столицу не подлежит разглашению. Да я и не должна, собственно. Мы чужие друг другу люди. Совершенно посторонние. Встретились, пообщались, разбежались.

– Изга, – осторожно начала я. – Скажи, пожалуйста, сколько будет стоить вызвать к тебе другой снегоход? Я сейчас не могу заплатить, сумку с документами, картами и наличкой потеряла, но есть те, кто сделает перевод. Нужно только позвонить.

– Да, – вздохнул шаман и откинулся на спинку дивана. – Ты угадала самый важный момент. Звонки. Постарайся сейчас выслушать меня до конца, не перебивая и не нервничая. Я всё расскажу медленно и по порядку. Твоя сумка у меня, документы, карты и деньги на месте. Вещи целые. Шуба висит в шкафу, одежду я постирал и тоже спрятал. Ждал гостей. Не хотел объяснять им, откуда у одинокого холостяка женские сапоги в теплых сенцах. Сим-карту из телефона

вытащил и положил отдельно, сам телефон отключил. Это принципиально. Устройство посылает сигнал в сеть и его местоположение легко вычислить. Звонить нельзя. Пока тебя считают мёртвой или хотя бы без вести пропавшей, тебя не ищут, чтобы добить. Обнаружишь себя, и охота начнётся заново.

– Подожди, – попросила я. – Мне тоже нужно всё обдумать медленно и по порядку.

Сумка нашлась. Моя любимая Furla с удобными ручками и внутренними карманами. Банковскими картами я уже, наверное, воспользоваться не смогу, их заблокировали. Налички при себе немного, но она есть. Особенно радостно было за документы. Восстанавливать паспорт не так долго, как муторно. Плюс многие вещи на него завязаны. От тех же банковских карт, которые без него не разблокировать, до мелочей вроде пропуска на парковку. Так что внимательный шаман, прихватив из вертолета сумку, одним махом избавил меня от большинства проблем. Ежедневник же ещё с паролями и кодами доступа, список контактов в телефоне! Я бы половину информации не смогла восстановить. Мамочки, какое фантастическое облегчение. Расцеловать бы Изгу, да неправильно поймет.

Так. Следующий момент. Телефон. Поступил шаман правильно. Хотя я и обижалась немного, что не сказал всего сразу, но ругать его особо не за что. Существой мифические наёмные убийцы в реальности, меня бы это спасло. Как бы убе-

дить его, что опасности нет? Да, он бормотал что-то про метку смерти, но какие, к чёрту, метки? Вертолёт упал случайно. Точка. Не злые духи же ему лопасти раскрутили в обратную сторону и выкачали горючее? Всегда есть грань между материальным миром и тем, куда ходит Изга под ритм бубна. Законы физики, например. Двигатель не мог отказать просто так, поломка в момент взлёта уже была.

– А как ты меня нашел посреди тайги? – спросила я, обернувшись на шамана.

Не помнила уже, задавала ли этот вопрос. Сейчас была готова выслушать и «потустороннюю версию» в том числе. Изга не спешил отвечать. И чем дольше молчал, тем отчетливее я понимала, что помогли ему вовсе не навигатор с сигнальными ракетами. Хорошо, я деликатно подтолкну:

– Да ничем уже не удивишь. В бубен стучал?

– Да, – глухо ответил он. – Я камлал к духу-хранителю места, где упал вертолёт, и она подсказала мне путь. Сам вертолёт просто увидел. Он на авторотации долго планировал и громко шумел.

Блин, как всё просто. Я ждала откровений о разговоре с богами, а тут всего лишь: «Иди два часа прямо, а потом налево, за холмом с тремя соснами искомое пожарище». Лихо. Я со своим топографическим кретинизмом в городе без карты ориентироваться не могла, а Изга ходил по тайге, вспоминая неясные видения из транса. И ведь нашел. Здесь мне доказательств чуда не требовалось. Будь как-то иначе, я бы

сгорела или замерзла насмерть.

– Всё равно мне нужно как-то добраться до дома. У меня аврал на работе, понимаешь? Дистанционно не все вопросы можно решить. Да и отец волнуется. Он пожилой человек, у него слабое сердце. Как бы мы не ругались, я его единственная дочь. Я не верю, что ему наплевать. Иногда так кажется от обиды, злость на нем сорвать хочется. Но я не думаю, что он легко махнет рукой: «Пропала и ладно». Нельзя включать мой телефон, давай позвоним с твоего. Сам ему скажи, что я жива и скоро приеду. Пожалуйста.

Я редко кого-то искренне просила так, как Изгу. Обычно, если человек упирался рогом, я или давила через его покровителей или искала обходные маневры. Всегда есть больше, чем один способ решить проблему. Да, будет дороже, дольше или сложнее, но препятствие нужно обойти. Почему так делала? Не хотела унижаться. Любой проситель априори слаб. Пнуть его и отказать – сплошное удовольствие. Особенно женщину. Особенно в «мужской» строительной профессии. Я поздно поняла, что и шаману-то зря сказала «пожалуйста» и заглядывала в глаза. Хрупкое равновесие без скандалов, моё спокойствие, потеплевшее отношение к Изге – все перечёркнётся одним холодным «нет». Меня перекорежит от боли и вернётся желание спорить, стоять на своём до последнего и язвить. Защитная реакция. Шипы дикобраза. Да, я это понимала.

Шаман встал с дивана и дотянулся до джинс, висящих на

стуле. Носил все-таки нормальную одежду.

– Твой отец не связан с меткой. Он не желает тебе смерти и не причастен к покушению. Это я тоже могу видеть. Мой телефон отследят, если я позвоню напрямую. Лучше передать послание через другого человека. Он уже согласился вмешаться в это дело, думаю, мы не навредим ему сильнее. Подумай, что написать отцу. Коротко, но с какой-нибудь важной деталью, известной только вам. Вот телефон.

В мою ладонь лег тонкий смартфон с большим экраном, а по телу волнами разливалось тепло. Сам девайс не при чем, было приятно, что Изга уступил. А ещё он включился в мои проблемы и начал их решать. Причём не только разговорами о зловещих знаках, а реальными делами. Редкие мужчины в наше время настолько щедры. Особенно после моих недавних сцен. Другой бы просто выставил с вещами за дверь: «Жива, здорова? До свидания». Холостяки особенно не любили, когда женщины клевами им мозги. Не привыкли они. Вернее, никто не приучил за десять лет брака. А тут не просто холостяк, но целый затворник. Сандару вон как развернул обратно к мужу. То самое «Свободна!» Почему со мной тогда обращался по-другому?

Я открыла окно сообщения и задумалась над экраном. А, правда, почему? Понравиться я ему не могла. Тощая, побитая, с размазанной по лицу косметикой. Еле смыла остатки водостойкой туши, пока шаман сидел в гараже. Кричала, ругалась, рвалась куда-то. С кулаками на него набросилась, в

конце концов. Типаж «истеричная баба», как он есть, и вдруг такое внимание. У меня паранойя разыгралась, версии в голову полезли самые неприглядные. От соучастия в покушении на мою жизнь до расчета на особую награду. Выкуп, например, за богатую наследницу. Раз шаман забрал мою сумку, то и в документы мог заглянуть. Ежедневник почитать, баланс карт проверить с телефона. А что? Деньги всем нужны, даже таёжным затворникам. Тем более, у него дом не достроен.

Я делала вид, что сочиняю письмо отцу, а сама прокручивала версии в голове. Покушение сразу мимо, зачем тогда спасал? Выкуп тот ещё бред, но опровергнуть его никак не удавалось. Изга меня кормил, спать укладывал, держал возле себя и запрещал пользоваться телефоном. Тайнственную метку смерти только он видел и легко мог её придумать. Запугивал опять же: «Тебя убьют! Нельзя домой!»

Я покрутила телефон в пальцах ещё несколько секунд и сказала:

– Любое сообщение можно отследить. Насколько длинной должна быть цепочка отправителей и получателей, чтобы твой телефон затерялся? Или ты компьютерного гения попросишь помочь? Бесполезно. Отец письмам с неизвестных адресов не доверяет. Удалит, как спам, не открывая.

– Не будет сообщения, – покачал головой Изга. – Вернее, оно будет, но я попрошу Сергея поговорить с твоим отцом лично.

– Какого Сергея? – нахмурилась я, подозревая, что хитрый план шамана сейчас превратится в не очень вменяемую авантюру. – Мужа Сандары? Или его друга из деревни? Да охрана их близко не подпустит ни к офису, ни к нашему дому.

– Конта Сергея Геннадьевича. «ТФК-групп».

Вот теперь у меня точно поехала крыша. Все версии смешались и превратились в совсем уж невероятный гибрид, поверить в который – глупость. Я просто села на диване, вытянула ноги и спросила:

– Откуда ты знаешь сына Конта?

Глава 7. Разговор с отцом

Взгляд Ирины снова стал колючим и недоверчивым. Минуту назад сияла улыбкой, с восторгом держала смартфон в руках и вдруг, словно кто-то ещё один сгусток тьмы к сердцу подсадил. Изга никогда не забывал, что богатые люди весьма осторожны в знакомствах, но только сейчас понял, какую ошибку совершил. Не пришлось бы, кроме Сергея, выдавать других столичных просителей. Их мир слишком тесен, а многие предпочитали держать в тайне свои обращения к шаману. Нет, стеснялись не его, а проблем, с которыми приходили. Дочь Анциферова три года прожила в частной психиатрической клинике. Голоса слышала, вены резала, на стены бросалась. Изга приехал, рассчитывая увидеть подселенца, а дело было в широком канале до мира теней. Дар у девушки. Достаточно редкий. Но родители слышать о нем ничего не захотели: «Можешь его закрыть? – Да, могу. – Все прекратится? – Да, прекратится. – Делай!» Теперь она с амулетом ходит, не снимая его ни на секунду. А Изга дом построил на гонорар за работу и молчание.

За молчание. Ирина, хоть и предназначенная ему пара, но чужой человек пока. И не известно, сложится ли хоть что-нибудь. А проблем от Анциферова можно получить. Сергей Конт тоже не кричал на каждом углу, что женился на меди-

уме. Даже отец его не знал. Ровно четыре человека в курсе: Изга, Сергей, Наталья и Андрей Соколовский. Говорить Ирине или нет?

Любая откровенность сейчас сближала, но делала обоих уязвимее. Это как снимать пластины с брони. С одной стороны показываешь себя таким, какой есть, а с другой открываешься для удара. Изга уже пытался жить с женщиной, которую считал любимой. Рассказывал ей так же, как Ирине, про духов, Эрлика, других шаманов. Пока однажды не пошутил про Джокера и Харли Квин: «Понимать, что кто-то такой же псих, как ты – бесценно». Татьяна засмеялась и махнула рукой: «Ну, я-то знаю, что ты псих и не переживаю. Подумаешь». Изгу кольнуло больно. Он половину жизни прожил с ощущением, что с головой не всё в порядке. Тысячу раз доказывал, что имеет право считать себя нормальным и всё равно сомневался иногда. А тут такая простота и добродушная снисходительность. «Это же не трагедия, – добавила Татьяна. – Другие мужики вон, с виду адекватные, выпьют и с ножом бросаются, а ты всего лишь в бубен стучишь. Ерунда. Главное, что человек хороший и руки из правильного места растут. Хозяйственный. А духи твои. Ну, духи, что теперь?» Изгу как отрезало. Только что чувства были к Татьяне и пропали. Неделю с ней после этого прожить не смог. Собрал вещи и уехал.

Не наступить бы второй раз на одни и те же грабли. Сейчас он выложит всё, что в нём есть, Сергея впутает, а Ирина

потом не захочет связываться с таким психом. Хорошо, если молча уйдет, не сказав тех слов, что забыть потом невозможно.

— Знакомы мы с Контом, — тихо ответил шаман. — Знаешь, я тут подумал, давай не будем мудрить. Звони отцу со второй симкарты, если хочешь. Я её выброшу потом.

Изга дал заднюю. О чем-то подумал и за пару мгновений разбил все мои предположения о выкупе. Должен был удерживать меня в доме до последнего, а вместо этого фактически выдал билет на свободу. Как только Карл Риман узнает, где его дочь, сюда примчится половина охраны во главе с её начальником, и никакого выкупа не будет. Метка, опять же. Снаружи для меня уже стало безопасно? Шаман не мог отпустить меня просто так, раз уж верил в то, что видел.

Дело в младшем Конте, да? Изга разрешил позвонить отцу, лишь бы я про Сергея не спрашивала? Зря, конечно. Теперь я поняла, что их связывает нечто большее, чем шапочное знакомство. Шаман ведь ни секунды не сомневался, что Конт поможет. Даже осторожничать не стал, сразу пообещал: «Сергей лично поговорит с твоим отцом». Крепко младший Конт должен. Практически жизнью обязан. Хотя я до сих пор была в шоке, что такое возможно.

Нет, всё логично, не подкопаешься. По-настоящему силь-

ный шаман – жемчужина в море песка из шарлатанов. Его навыки уникальны, конкурентов нет, а услуги требуются не только бедным жителям деревни. И если Сандара рассчитывалась продуктами, то Сергей Конт платил твёрдой валютой. Отсюда и дом в два этажа. А недостроенный, потому что любой, даже весьма солидный гонорар – величина не бесконечная. Шаман отработал, деньги получил и хватит. Дальше больные зубы за творог и мясо заговаривает. Я утрирую, конечно. Судя по тому, что я видела, масштаб у Изги совсем другой. И причина не ставить свою работу на поток тоже есть. Интересно, какая?

Надо же, мне интересно. Два пробуждения назад слышать ничего не хотела о мужчине в медвежьей шкуре и птичьей маске, только что подозревала его невесть в чём, и уже снова умираю от любопытства. Телефон держу в руках, отцу нужно звонить, а я думаю, почему Изга не гонится за богатством? Столичные недоэкстрасенсы за копейку готовы удавиться, а настоящий шаман в высшие круги вхож и живет в недостроенном доме. Ох, напрасно я ищу загадку там, где её нет. Не гонится, потому что настоящий.

Я набрала на телефоне выученный наизусть номер. Отец достал по благу «красивый» и не менял его много лет. Девятьсот один, девятьсот один, четыре ноля. Разница во времени у Якутска со столицей шесть часов. Если здесь смартфон показывает три часа ночи, то у отца девять вечера. В самый раз. Даже будить не придётся. Чёрт, пятый гудок. Не

спешил Карл Риман принимать вызов с незнакомого номера.

– Да?

Короткое, хлесткое и тихое «да». Для чужих. Мне он всегда отвечал «ну» или «внимательно». Но в животе всё равно потеплело. Ещё немного и я вернусь домой.

– Папа, это я.

Он шумно втянул носом воздух и понеслось. Когда Карл Риман говорил, я успевала вставить одно или два слова в короткие паузы между фразами. Не важно, прямой вопрос он задавал или паузу делал, чтобы вдохнуть новую порцию воздуха. Два слова. Дольше он меня слушать категорически не хотел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.